

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Кафедра международных отношений, политологии и мировой экономики

Гулянец Виктория Викторовна

**КИТАЙСКИЕ ДИАСПОРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

Выпускная квалификационная работа
на присвоение квалификации: «Бакалавр»
Направление подготовки: 41.03.05 – Международные отношения
Направленность (профиль): «Международная безопасность»

Научный руководитель:
кандидат политических наук, доцент
кафедры международных отношений,
политологии и мировой экономики
А.В. Гукасов

К защите в ГЭК рекомендуется

Решение кафедры от _____ 2019 г.
Протокол № _____
Заведующий кафедрой _____

Пятигорск – 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИАСПОРЫ КАК ИНСТРУМЕНТА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ	14
1.1. Внешнеполитический инструментарий современных государств: концептуальные основы исследования	14
1.2. Диаспора как инструмент внешней политики современных государств	31
1.3. Китайские диаспоры во внешней политике Китая на современном этапе: общее и особенное	38
ГЛАВА II. КИТАЙСКИЕ ДИАСПОРЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ В ЮГО- ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ	48
2.1. Специфика внутренней организации китайских диаспор в государствах Юго-Восточной Азии	48
2.2. Место и роль китайских диаспор во внешней политике Китая в Юго-Восточной Азии на современном этапе	62
2.3. Перспективы использования китайских диаспор в рамках внешнеполитической стратегии Китая в Юго-Восточной Азии	74
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	81
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	83
ПРИЛОЖЕНИЯ	93

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в условиях усиления тенденций глобализации появляются новые вызовы и угрозы, которые значительно осложняют процесс реализации внешнеполитических стратегий. Как следствие, на современном этапе происходит расширение спектра механизмов и инструментов имплементации внешней политики. Несмотря на то, что на сегодняшний день «жесткая» и «экономическая» силы не теряют своей актуальности, для достижения своих национальных интересов государства все чаще прибегают к использованию широкого инструментария «мягкой» силы.

В рамках современной системы международных отношений Китай превращается в один из ведущих мировых центров силы. Данный процесс неразрывно связан с усилением собственных позиций в тех регионах мира, которые имеют первоочередное значение для Пекина. Несомненно, в качестве одного из таких регионов выступает Юго-Восточная Азия. Помимо прочего, активизация китайской внешней политики на данном стратегическом направлении продиктована желанием создать буфер из «лояльных» государств по периметру границ КНР.

Для достижения этой цели Китай активно задействует весь доступный ему внешнеполитический инструментарий. Однако, с учетом того, что в государствах Юго-Восточной Азии проживает наибольшее количество хуацяо, многократно повышается значение использования Пекином инструментария «мягкой силы». Очевидно, что в данном контексте Китай уделяет первоочередное внимание развитию отношений со своей зарубежной диаспорой, пытаясь превратить хуацяо в проводников собственных национальных интересов, что продиктовано необходимостью решения существующих сегодня внешнеполитических задач и, в конечном счете, реализации собственных национальных интересов в данном регионе.

Учитывая, что в кратко- и среднесрочной перспективе Пекин будет только усиливать свое присутствие в Юго-Восточной Азии, выявление особенностей и определение основных тенденций развития диаспоральной политики современного Китая в этом контексте представляется весьма актуальным.

Таким образом, вышеприведенная аргументация позволяет утверждать, что проблема, рассматриваемая в рамках настоящего исследования, помимо научно-теоретического имеет также и практическое значение, что, во многом, обуславливает выбор данной темы.

Степень научной разработанности проблемы. Изучением внешнеполитического инструментария современных государств занимаются Г. Киссинджер, Г. Моргентау, Л. Мабри, Г. Мойер, Дж. Най, Дж. Перкинс, В. Хадсон, М.А. Хрусталева, И.А. Чихарев¹.

Исследованию диаспор как инструмента внешней политики современных государств посвящены работы П. Гилрой, Р. Коэн, Н.П. Космарской, З.И. Левиной, В.Д. Попкова, Т.В. Полосковой, Э.А. Паина, В.А. Тишкова, Х. Талолян, Ж.Т. Тощенко².

¹ Kissinger H. American Foreign Policy. – N.Y.: Norton, 2000. – 257 p.; Morgenthau H. Politics among Nations. – N.Y.: Knopf, 1998. – 197 p.; Marby L., Moyer H. Export Controls as Instruments of Foreign Policy: The History, Legal Issues and Policy Lessons of Three Recent Cases. – Lanham: University Press of America, 1988. – 574 p.; Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – N.Y.: Public Affairs, 2004. – 191 p.; J. Nye. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – N.Y.: Basic Books, 1990. – 210 p.; Дж. Перкинс Исповедь экономического убийцы. – М.: Pretext, 2005. – 319 с.; Hobbes T. Of Man, Being the First Part of Leviathan [Электронный ресурс] // The Harvard Classics. – Режим доступа: <http://www.bartleby.com/34/5/>; Hudson V. Foreign Policy Analysis: Classic and Contemporary Theory. – N.Y.: Rowman and Littlefield Publishing Group, 2006. – 225 p.; Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. – М.: НОФМО, 2008. – 232 с.; Чихарев И.А. «Умная мощь» в арсенале мировой политики [Электронный ресурс] // Международные процессы. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/twenty-fifth/011.htm>.

² Gilroy P. The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness. – London: Verso, 1993. – 280 p.; Cohen R. Global Diasporas: An Introduction. – London & N.Y.: Routledge, 2008. – 241p.; Левин З.И. Менталитет диаспоры. – М.: Крафт+, 2001. – 176 p.; Полоскова Т.В. Современные диаспоры. Внутриполитические и международные аспекты. – М.: Научная книга, 1999. – 252 p.; Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. – М.: Новое издательство, 2004. – 248 с.; Tolölyan K. Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the

Анализ места и роли китайской диаспоры во внешней политике Китая на современном этапе проводят Е.С. Анохина, С. Герке, С. Лайнгер, Т. Менкхофф, Г. Реддинг, И.Д. Сущевский, Г.О. Степанова, К. Томсон, Э. Фридман, Д. Постон, М. Юи¹.

Выявлением специфики внутренней организации китайских диаспор в государствах Юго-Восточной Азии занимаются Ван Гунву, В. Гельбрас, П. Нири, И. Савельева, К. Томсон, Э. Фридман².

Место и роль китайской диаспоры во внешней политике Китая в Юго-Восточной Азии на современном этапе исследованы в работах А. Борисовой, С.Н. Гончарова, В.Л. Сведенцова, Г.А. Степанова³.

Transnational Moment // *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. – 1996. – Vol.5. – № 1. – P. 3-36.; Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // *Социс*. – 1996. – №12. – С. 33-42.; Тишков В.А. Реквием по этносу. – М.: Наука, 2003. – 544 с.

¹ Анохина Е.С. «Новая» китайская миграция и политика КНР по ее урегулированию. – Томск: Томский государственный университет, 2012. – 248 с.; Лайнгер С.Р. Социальная организация китайских мигрантов хуацяо (по материалам японских исследований) // *Народы Азии и Африки*. – 2006. – №4. – С. 78-90.; Redding G. The spirit of Chinese capitalism. – N.Y.: First Soft Cover Printing, 1993. – 284 p.; Thomson C.N. Political identity among Chinese in Thailand // *Geographical Review*. – 1993. – Vol. 83. – № 4. – P. 397-409.; Freedman A.L. Political participation and ethnic minorities: Chinese overseas in Malaysia, Indonesia, and the United States. – N.Y.: Routledge, 2000. – 248 p.; Poston D., Mao M., Yu M. The Global Distribution of the Overseas Chinese Around 1990 // *Population and Development Review*. – 1994. – Vol. 20. – № 3. – P. 631-645.; Poston D., Yu M. The Distribution of the Overseas Chinese in the Contemporary World // *International Migration Review*. – 1990. – Vol. 24. – № 3. – P. 480-508.

² Gungwu Wang. *China and Chinese Overseas*. – London: Marshall Cavendish Intl, 2001. – 320 p.; Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. – М.: Муравей, 2004. – 203 с.; Nyiri P., Saveliev I. *Globalizing Chinese Migration: Trends in Europe and Asia*. – London: Routledge, 2006. – 346 с.; Thomson C.N. Political identity among Chinese in Thailand // *Geographical Review*. – 1993. – Vol. 83. – № 4. – P. 397-409.; Freedman A.L. *Political Participation and Ethnic Minorities: Chinese Overseas in Malaysia, Indonesia, and the United States*. – N.Y.: Routledge, 2000. – 224 p.

³ Борисова А. Зарубежные китайцы // *Азия и Африка сегодня*. – 2002. – № 5. – С. 28-33.; Гончаров С.Н. Зарубежные китайцы и программа «четырёх модернизаций» КНР // *Проблемы Дальнего Востока*. – 1986. – № 3. – С. 34-46.; Сведенцов В.Л. Политика КНР в отношении китайской диаспоры в странах Юго-Восточной Азии [Электронный ресурс] // *Проблемы национальной стратегии*. – Режим доступа: <https://riss.ru/images/pdf/journal/2016/5/9.pdf>; Степанова Г. О некоторых тенденциях в политике руководства КНР в отношении зарубежных соотечественников (хуацяо) в последние годы // *Проблемы Дальнего Востока*. – 2005. – № 4. – С. 43-51.

Анализ перспектив использования китайских диаспор в рамках внешнеполитической стратегии Китая в Юго-Восточной Азии проводят Ван Гунву, А.Г. Ларин, С.Г. Лузянин, Ф. Пике¹.

Отдельного внимания заслуживают труды китайских ученых, которые занимаются исследованием внешней политики современного Китая в целом и изучением китайских диаспор как инструмента внешней политики современного Китая в Юго-Восточной Азии в частности: Сян Бяо, Дэн Гао, Чжуан Готу, Лун Давэй, Чжао Ли, Хун Лю, Цзай Лян, Чан Хань, Ле Ван Хюэ².

Также следует выделить работы сотрудников ФГБОУ ВО «ПГУ», которые посвящены теме исследования: А.К. Боташевой, А.В. Гукасова, Г.В. Косова, И.С. Миллер, Д.А. Миргорода, В.Е. Мишина, В.Н. Панина, С.В. Парастатова, И.А. Румачик, Е.А. Соловьевой, М.А. Сучкова, А.А. Савтыревой³.

¹ Китай в Юго-Восточной Азии: стратегический «капкан» или ресурс возвышения? [Электронный ресурс] // МГИМО. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/about/news/experts/238309/>; Ларин А.Г. «Большой Китай» замыслы и реальность // Проблемы Дальнего Востока. – 2001. – № 5. – С. 31-45.; Pieke F. N. Editorial Introduction: Community and Identity in the New Chinese Migration Order // Population, Space and Place. – 2007. – № 13. – P. 81-94.

² 移民与发展：南北问题的视角 - 中国发展 [Электронный ресурс] // China Develop. – Режим доступа: http://www.chinadevelop.com.cn/develop_magazine/D4J/2004D/QH/201501/P020150127524627549039.pdf; 刘红. 新移民与华侨民族主义的复兴 [Электронный ресурс] // CDMD. – Режим доступа: <http://cdmd.cnki.com.cn/Article/CDMD-10511-1011139044.htm>; 在梁亮. 中国非法移民的人口学：一个发展中国家的视角 [Электронный ресурс] // IAS. – Режим доступа: http://ias.cass.cn/cbw/mgyjjj/2017/dwq_118934/201904/P020190429528783103582.pdf; 老挝成立首个全国性华侨社团 [Электронный ресурс] // 新华网. - Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/world/2015-07/30/c_1116093517.htm; 龙大伟 清控资产管理集团董事长 [Электронный ресурс] // Tamgroup. – Режим доступа: <http://tamgroup.com.cn/index.php?m=content&c=index&a=show&catid=19&id=5>.

³ Боташева А.К., Миллер И.С., Румачик И.А. The theory of chaos in political analysis: the third paradigm in the age of globalization // Advances in Intelligent Systems and Computing. – 2019. – Т. 726. – С. 585-592.; Гукасов А.В., Исаков Н.В., Панин В.Н. «Жесткая сила» и «экономическая сила» во внешней политике Современных государств // Вестник ПГЛУ. – 2015. – №4. – С. 308-311.; Гукасов А.В., Косов Г.В., Парастатов С.В. Внешняя политика современных государств: геостратегический аспект / Монография. – Пятигорск: ПГУ, 2017. – 145 с.; Гукасов А.В. «Мягкая сила» во внешней политике современных государств // Университетские чтения. – Пятигорск: ПГЛУ, 2015. – С. 13-17.; Гукасов А.В.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных исследованию отдельных аспектов использования китайской диаспоры как инструмента внешней политики современного Китая в регионе Юго-Восточной Азии, следует отметить, что в современной политической науке существует определенный недостаток в работах, в рамках которых проводится комплексный анализ данной политологической проблемы.

Объект исследования – диаспора как инструмент внешней политики современных государств.

Предмет исследования – китайские диаспоры как инструмент внешней политики современного Китая в Юго-Восточной Азии.

Целью исследования является выявление основных направлений использования китайских диаспор во внешней политике современного Китая в Юго-Восточной Азии.

Национальные интересы во внешней политике государств в контексте глобализации // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – №10. – С. 293-298.; Гукасов А.В. Внешняя политика современных государств: акторы и механизмы формирования // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – №12. – С. 202-207.; Гукасов А.В. Национальная безопасность в глобализирующемся мире // Университетские чтения – 2013: Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Часть XIV. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2013. – С. 42-45.; Миргород Д.А. Влияние глобализации на государство // Правовая политика и правовая жизнь. – 2010. – №1. – С. 124-128.; Мишин В.Е. Новые измерения безопасности в глобализирующемся мире // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2004. – № 4. – С. 140.; Панин В.Н., Косов Г.В. Мировой порядок в XXI веке: теории и практики построения // Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации. – 2016. – С. 28-35.; Парастатов С.В. Экономическая составляющая геостратегии современных государств // Вестник ПГЛУ. – 2012. – №2. – С. 364-366.; Соловьева Е.А. Роль экономической дипломатии в китайской парадигме влияния на международные отношения // Университетские чтения. – 2017. – 2017. – С. 234-239.; Сучков М.А. Влияние лобби-групп на формирование внешней политики США на Южном Кавказе [Электронный ресурс] // Международные отношения. – Режим доступа: <https://docplayer.ru/32024389-Mezhdunarodnye-otnosheniya.html>; Сучков М.А. Концепции «силы» и «влияния» во внешней политике США // Университетские чтения – 2010: Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Часть XIV. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2010. – С. 73-78.; Косов Г.В., Савтырева А.А. Политическая жизнь современного Китая (по материалам печатных китайских СМИ) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2017. – № 4. – С. 56-61.; Савтырева А.А., Ефимов Ю.Г., Линец С.И. Модернизационные процессы в современном Китае: политический аспект // Вестник ПГЛУ. – 2015. – №4. – С. 322-324.; Савтырева А.А., Исаков Н.В., Волочаева О.Ф., Волова Л.А. Стратегические направления национальной безопасности современного Китая // Вестник ПГЛУ. – 2013. – № 4. – С. 341-343.

В соответствии с указанной целью были определены следующие **задачи:**

- исследовать внешнеполитический инструментарий современных государств;
- подвергнуть анализу диаспору как инструмент внешней политики современных государств;
- проанализировать место и роль китайских диаспор во внешней политике Китая на современном этапе;
- выявить специфику внутренней организации китайских диаспор в государствах Юго-Восточной Азии;
- подвергнуть анализу место и роль китайских диаспор во внешней политике Китая в Юго-Восточной Азии на современном этапе;
- определить перспективы использования китайских диаспор в рамках внешнеполитической стратегии КНР в регионе Юго-Восточной Азии.

Теоретико-методологической основой исследования послужили системный анализ, междисциплинарный, проблемно-ориентированный и структурно-функциональный подходы, которые применялись в соответствии с особенностями объекта и предмета исследования, классические и современные теоретические положения политологии, теории международных отношений и мировой политики, а также прикладные методы политологического анализа: ивент-анализ, контент-анализ, кейс-стади.

Эмпирическая база исследования включает в себя:

- нормативно-правовые акты и документы Китая и государств Юго-Восточной Азии¹;

¹ Конституция КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.wbconsult.ru/files/docs/Constituion_KNR.doc; Общие положения гражданского права КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://chinalawinfo.ru/civil_law/general_principles_civil_law; Конституция Федерации Малайзии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=655>; Конституция Республики Индонезия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=29>; Конституция Сингапура [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=294>; Конституция Республики «Союз Мьянма» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=311>; Конституция

- аналитические материалы правительственных и неправительственных организаций Китая, ЕС, США и РФ¹;
- индивидуальные и коллективные научно-исследовательские изыскания в рамках научных монографий, статей, материалов конгрессов, конференций, симпозиумов;
- материалы ведущих средств массовой информации²;

Республики Филиппины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=36>; Конституция Королевства Таиланд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=329>; Конституция Социалистической Республики Вьетнам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=26>; Конституция Королевства Камбоджа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=315>; Конституция Народно-Демократической Республики Лаос [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=268>; Конституция Государства Бруней Даруссалам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=334>; Соглашение АСЕАН о торговле товарами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/203809>; Закон КНР «О гражданстве» от 10.09.1980 [Электронный ресурс] // Законодательство Китая. – Режим доступа: http://chinalawinfo.ru/other/law_citizenship.

¹ РСМД [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru>; Международный дискуссионный клуб «Валдай» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com>; Московский Центр Карнеги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://carnegie.ru>; Брукингский Институт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.brookings.edu>; The Center for Strategic and International Studies [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.csis.org>; International Institute for Strategic Studies [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iiss.org>; European Council on Foreign Relations [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ecfr.eu>; SIPRI [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sipri.org>; RAND Corporation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rand.org>; CICIR [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cicir.ac.cn/NEW/index.html>

² BBC [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com>; The Telegraph [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk>; The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/international>; CNN [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edition.cnn.com>; The Wall Street Journal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/europe>; RT [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com>; ТАСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru>; РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tv.rbc.ru>; РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru>; Известия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru>; Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru>; China Daily [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chinadaily.com.cn>; Xinhua [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.xinhuanet.com/>; CCTV [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cctv.com>; 人民日报 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://people.com.cn>; Международное радио Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.cri.cn>.

– отдельную группу составили источники на китайском языке, некоторые из которых вводятся в научный оборот впервые.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

– выявлено, что исторически соперником Китая в выстраивании сотрудничества с хуацяо, проживающими в государствах Юго-Восточной Азии, является Тайвань, и определено, что политико-идеологические изменения, произошедшие в Китае, наряду с постепенным превращением КНР в один из ведущих мировых центров силы, привели к значительным сдвигам в отношениях между Пекином и зарубежными китайцами;

– определены основные направления использования хуацяо во внешней политике современного Китая в Юго-Восточной Азии и доказано, что в кратко- и среднесрочной перспективе эффективность использования китайских диаспор как инструмента внешней политики Китая в Юго-Восточной Азии будет зависеть от того, сможет ли Пекин увеличить уровень вовлеченности хуацяо в решение стоящих перед ним внешнеполитических задач, не вызвав при этом рост антикитайских настроений в государствах данного региона.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Серьезным соперником Китая в выстраивании сотрудничества с китайскими диаспорами, находящимися в Юго-Восточной Азии, является Тайвань, поскольку в отличие от Пекина Тайбэй никогда не прерывал связей с хуацяо. Тайваню, как капиталистической стране, было гораздо проще выстраивать сотрудничество с зарубежными китайскими бизнес-диаспорами, чем КНР (особенно во времена председательства Мао Цзедуна). Более того, наиболее крупные зарубежные китайские предприниматели исторически были связаны именно с Гоминьданом, а, соответственно, находились в оппозиции коммунистам, утвердившимся в материковом Китае. Однако, изменения, произошедшие в политико-идеологической сфере после смерти Мао Цзедуна, которые неминуемо отразились на характере внешней политики Китая, а также постепенное превращение Китая в один из ведущих

мировых центров силы привели к значительным сдвигам в отношениях между Пекином и хуацяо.

2. Активизация взаимодействия с китайскими диаспорами, находящимися в государствах Юго-Восточной Азии, продиктована необходимостью решения внешнеполитических задач, стоящих перед современным Китаем в данном регионе. Тем не менее, в рамках этого процесса можно говорить о наличии определенной взаимозаинтересованности: с одной стороны, зарубежные китайцы рассматриваются Пекином в качестве проводников собственных национальных интересов в регионе, а, с другой – сами хуацяо рассматривают развитие отношений с Китаем как гарантию собственной безопасности и дальнейшего роста своего экономического благосостояния и влияния.

В этом контексте можно выделить два ключевых аспекта. Во-первых, в обозримом будущем в рамках выстраивания культурных и экономических отношений между Китаем и хуацяо будет наблюдаться динамичный рост. Наличие у всех крупных зарубежных китайских предпринимателей не только тесных бизнес-связей с Пекином, но и контактов с китайским руководством означает, что процесс экономического «привязывания» государств Юго-Восточной Азии к Китаю будет осуществляться преимущественно через хуацяо. Более того, глубокое проникновение зарубежных китайцев во все сферы экономической жизни стран данного региона гарантирует Китаю укрепление собственного влияния, прежде всего, в торгово-экономической и финансовой сферах.

Во-вторых, китайские диаспоры, находящиеся в государствах Юго-Восточной Азии, в ближайшее время продолжают придерживаться политического нейтралитета и не превратятся в открытых проводников китайского политического влияния, поскольку осознают, что отсутствие ярко выраженных политических амбиций является наилучшей гарантией их социально-экономического благополучия в странах пребывания.

Таким образом, в кратко- и среднесрочной перспективе эффективность использования зарубежных китайских диаспор как инструмента внешней политики Китая в Юго-Восточной Азии будет зависеть от того, сможет ли Пекин увеличить уровень вовлеченности хуацяо в решение стоящих перед ним внешнеполитических задач, не вызвав при этом рост антикитайских настроений в государствах данного региона.

Теоретическая значимость исследования. Теоретические положения данной работы способствуют дальнейшему углубленному пониманию категорий «внешняя политика», а также механизмов ее реализации. Полученные в результате исследования выводы могут быть использованы для более детального теоретического осмысления места и роли диаспор во внешней политике современных государств.

Практическая значимость исследования. Результаты и выводы, полученные в ходе анализа основных направлений использования китайских диаспор во внешней политике современного Китая в Юго-Восточной Азии, могут быть использованы в сфере практической политики, в том числе, для выработки российского внешнеполитического курса в отношении государств данного региона.

Помимо этого, основные положения данного исследования могут быть применены в процессе преподавания в системе высшего образования России, таких дисциплин как «Геополитика», «Теория международных отношений», «Мировая политика», «Политология», «Региональные аспекты современных «Международных отношений».

Апробация исследования. Основные положения и выводы выпускной квалификационной работы были представлены на II Пятигорской международной модели ООН (г. Пятигорск, 2017 г.), III Пятигорской международной модели ООН (г. Пятигорск, 2018 г.), Международном конкурсе «Лучшая научная статья – 2016» (г. Москва, 2016 г.), Международном конкурсе на лучшую научную статью о Шанхайской организации сотрудничества (г. Пекин, 2017 г.), XVI Международном

научно-исследовательском конкурсе «Лучшая научно-исследовательская работа 2018» (г. Пенза, 2018 г.), VIII Международном научно-исследовательском конкурсе «Достижения вузовской науки – 2019» (г. Пенза, 2019 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Будущее России и мира: оценки и прогнозы» (г. Москва, 2017 г.), Всероссийском конкурсе «Лучшая молодежная научная статья – 2017» (Киров – Челябинск, 2017 г.), Региональной межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодая наука» (г. Пятигорск, 2016-2019 гг.). Отдельные положения данной работы были представлены на заседании студенческого дискуссионного клуба по международным отношениям «Глобус».

Ключевые положения и выводы работы отражены в шести научных публикациях¹.

Структура выпускной квалификационной работы. Структура исследования обусловлена его целью и задачами и состоит из введения, двух глав, включающих в себя по три параграфа каждая, заключения и библиографического списка использованной литературы, содержащего 90 источников, из них 45 на английском и китайском языках, и 5 приложений. Общий объем работы составляет 82 страницы машинописного текста.

¹ Гулянец В.В. Геополитические процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: влияние Соединенных Штатов Америки и Китайской Народной Республики // Современные научные исследования и разработки. – 2016. – № 6. – С. 212-214.; Гулянец В.В. Гуманизация международных отношений: история становления и развития // Молодая наука. – 2018. – Часть XV. – Пятигорск: ПГУ, 2018. – С.35-38.; Гулянец В.В. Теория и практика информационного воздействия в международных отношениях // Достижение вузовской науки 2019: сборник статей VIII Международного научно-исследовательского конкурса. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2019. – С. 139-143.; Гулянец В.В. Диаспора как инструмент внешней политики современных государств // Молодая наука. – 2019.; Гулянец В.В. Роль китайской диаспоры в Юго-Восточной Азии // Молодая наука. – 2019.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИАСПОРЫ КАК ИНСТРУМЕНТА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

1.1. Внешнеполитический инструментарий современных государств: концептуальные основы исследования

Ввиду тенденции глобализации и появления большого количества акторов на международной арене процесс межгосударственных отношений значительно усложняется. Традиционно в системе международных отношений каждое государство стремится обеспечить собственную безопасность, реализовать свои национальные интересы, а также сформировать положительный внешнеполитический имидж. При этом для достижения успеха акторы используют достаточно широкий спектр внешнеполитических инструментов и средств.

Исторически сложилось, что политика ассоциируется с борьбой за власть и господство, следовательно, любой инструментарий реализации внешней политики связан с понятием «сила», именно поэтому необходимо проанализировать категорию «силы» в ее внешнеполитическом контексте.

Первоначально, уместно отметить, что в теории международных отношений существуют разнообразные взгляды и определения ученых относительно понятия «сила». Например, Г. Моргентхау рассматривал «силу» как власть над умами и действиями людей¹, в то время как Дж. Най олицетворял данное понятие с возможностью использования кнута и пряника, военной и экономической мощи для того, чтобы заставить других следовать чье-либо воле², а Г. Киссинджер приравнивал категорию «сила» к категории «влияние»³. Т. Гоббс приравнивал понятие «сила» к «способу достижения

¹ Morgenthau H. *Politics among Nations*. – N.Y.: McGraw-Hill Education, 2005. – P. 752.

² Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. – N.Y.: Public Affairs, 2004. – P. 192.

³ Kissinger H. *American Foreign Policy*. – N.Y.: Norton, 1977. – P. 57.

некой очевидной выгоды в будущем»¹, а Дж. Стоссинджер считал, что в сфере международных отношений силой является способность государств использовать как материальные, так и нематериальные ресурсы с целью влияния на поведение других государств².

Следовательно, на основе рассмотренного выше теоретического анализа подходов к понятию «сила» необходимо подчеркнуть, что разные формы и категории «силы» имеют общую составляющую – оказание определенного воздействия с целью управления другими участниками международных отношений. Таким образом, основой «силы» является достижение поставленной цели через воздействие на поведение других акторов.

Воздействие в свою очередь может осуществляться разными методами, следовательно, существует несколько форм использования силы, которые отличаются между собой механизмами и инструментами влияния. Именно поэтому в политической науке принято разделять «жесткую», «экономическую» и «мягкую» силы, а также такие стратегии, как «умная» и «разумная» силы.

Самым древним и наиболее эффективным методом воздействия одного государства на другое долгое время была «жесткая» сила, которая вплоть до начала XXI века оставалась главным средством государств для достижения своих внешнеполитических целей.

«Жесткая» сила подразумевает под собой форму политической власти, в рамках которой используется применение военного принуждения. Стоит отметить, что в условиях многополярного мира классические вопросы международной безопасности, безусловно, занимают важные позиции во внешнеполитической стратегии каждого государства, что подчеркивает функциональность ресурсов «жесткой» силы и на данный момент.

¹ Hobbes T. Of Man, Being the First Part of Leviathan [Электронный ресурс] // The Harvard Classics. – Режим доступа: <http://www.bartleby.com/34/5/>

² Гукасов А.В., Косов Г.В., Парастатов С.В. Внешняя политика современных государств: геостратегический аспект [Электронный ресурс] // Elibrary.ru. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29858454>

Существует достаточно большое количество случаев применения «жесткой» силы на международной арене, например, военные интервенции США в Ливии и Ираке, операция НАТО «Союзная сила» в Югославии, война во Вьетнаме и др.

Актуальность данной категории «силы» наглядно демонстрирует растущий объем экспорта и импорта оружия, о чем свидетельствует доклад Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI), в рамках которого приводилась статистика, свидетельствующая о том, что мировой объем экспорта оружия за 2013-2017 гг. вырос на 10% по сравнению с периодом 2008-2012 гг. При этом 74% мирового экспорта вооружений за период 2013-2017 гг. обеспечили пять стран: США, Россия, Германия, Франция, Китай¹.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что мировые расходы стран на военные нужды в 2017 году увеличились по сравнению с 2016 годом на 1,1 %, что было обусловлено фактом смещения «центра тяжести» из Евро-Атлантического региона в страны Азии, Ближнего Востока и Океании. Например, в 2017 году значительный рост военных расходов наблюдался в Ираке – на 22 % больше, чем в 2016 и в Иране – на 19 %².

Приведенная статистика подтверждает, что государства, позиционирующие себя как лидеры на мировой арене, рассматривают элемент «жесткой силы» как один из главных факторов формирования их лидерства.

Одним из элементов «жесткой силы» является многостороннее военное взаимодействие, которое осуществляется как на постоянной основе в рамках военно-политических союзов, так и в условиях временного режима, например, во время проведения военных учений.

¹ The SIPRI Military Expenditure Database [Электронный ресурс] // Stockholm International Peace Research Institute. – Режим доступа: <http://milexdata.sipri.org>

² Мировые военные расходы остаются на высоком уровне: 1,7 триллиона долларов [Электронный ресурс] // Stockholm International Peace Research Institute. – Режим доступа: https://www.sipri.org/sites/default/files/2018-05/milex_press_release_rus.pdf

Таким образом, стоит отметить, что фактор «жесткой» силы предполагает не только применение ее инструментов, но и угрозу применения. В данном контексте, необходимо упомянуть о существовании военных учений, которые направлены не только на приобретение навыков и отработку стратегических сценариев возможных конфликтов, но и на демонстрацию вооруженного потенциала государств. Например, в августе 2018 в Грузии проводились военные учения НАТО «Noble Partner-2018», которые проводятся ежегодно, начиная с 2015 года¹. Очевидно, что помимо заявленных целей, существуют и не декларируемые. А именно под предлогом проведения военных учений происходит процесс наращивания военного присутствия НАТО в стране и в регионе в целом. В данном примере прослеживается стремление США укрепить свое военное присутствие в регионе Южного Кавказа, а также приблизиться к северным границам Ирана и России, в чем и заключается факт угрозы применения военной силы.

Соответственно, важно упомянуть и о роли организаций коллективной безопасности как элемента «жесткой» силы. Основопологающей идеей выступает стратегия, в рамках которой вооруженный конфликт против одной страны будет рассматриваться как нападение против всех стран, входящих в блок коллективной безопасности. Например, такие организации как НАТО, ОБСЕ, ОДКБ.

Кроме того, стоит отметить, что помимо традиционных элементов «жесткой силы» большое значение приобретают сравнительно новые, такие как частные военные компании, которые зачастую используются государствами вместо регулярных вооруженных сил в целях наращивания военного потенциала вооруженных сил государств, а также для участия в различных военных действиях. Примером частных военных компаний могут

¹ В Грузии начались учения НАТО Noble Partner 2018 [Электронный ресурс] // RT. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/ussr/news/541540-voennye-ucheniya-gruziya>

послужить американская «Military Professional Resources»¹, британская «Sandline International»², российская «РСБ-Групп»³ и др.

Также в современных международных отношениях ввиду появления новых дестабилизирующих сил и тенденций возникают конфликты «нового поколения», ключевыми особенностями которых является преобладание экономической и ресурсной составляющей, а также хаотичность и децентрализация ввиду активного участия негосударственных участников в конфликте. Например, проблема терроризма, а именно деятельность террористических группировок и экстремистских организаций в глобальном масштабе, асимметрия конфликтов, подразумевающая под собой противостояние сильных государств со слабыми. Классическим примером «асимметричного конфликта» является военная операция в Ираке. Все же, несмотря на отличительные признаки конфликтов «нового поколения» не меньшую актуальность представляют собой следующие проблемы: распространение ядерного оружия и оружия массового поражения, а также конфликты глобального и регионального уровней.

Следовательно, несмотря на декларативное заявление государств современного мира о стремлении использования ненасильственных форм влияния, фактор традиционной силы по-прежнему остается актуальным и не теряет своего ключевого значения в международных отношениях.

Стоит отметить, что помимо элементов «жесткой» силы для реализации внешней политики активно применяется «экономическая» сила, в рамках которой, очевидно, используется другой набор инструментов.

Как отмечал Д. Нихтерлейн, великие державы стремятся к развитию свое экономического потенциала как к главному средству

¹ Military Professional Resources [Электронный ресурс] // National Stock Education. – Режим доступа: <http://www.mpri.com>

² Sandline International [Электронный ресурс] // Sandline Home Page. – Режим доступа: <http://www.sandline.com/site/>

³ РСБ-Групп [Электронный ресурс] // РСБ-Групп. – Режим доступа: <https://rsb-group.ru>

внешнеполитического влияния¹, именно поэтому наряду с «жесткой» силой, роль «экономической» активно возрастает. Необходимо подчеркнуть, что на данный момент ученые склонны к мнению о том, что применение экономических рычагов воздействия для реализации внешнеполитических целей необходимо рассматривать в рамках так называемой «экономической» силы, которая, в свою очередь, включает в себя такие инструменты воздействия как предоставление экономической помощи иностранным государствам, торгово-экономические санкции, прямые зарубежные иностранные инвестиции и др.

Стоит отметить, что на сегодняшний день проблема экономических санкций является актуальной, так как данный экономический инструмент может повлиять не только на экономику страны, но и стать в определенных случаях причиной финансового кризиса. Впоследствии экономические санкции могут привести к возникновению экономических войн. Безусловно, экономические санкции преследуют политические цели, а именно предполагают создание условий, при которых их экономические последствия влияют на политический курс страны.

В этом контексте стоит упомянуть исследование «Новый анализ экономических санкций», в рамках которого авторы подчеркивают, что в двадцатом веке санкции применялись 174 раза как со стороны стран, так и со стороны международных организации². Примером использования экономических рычагов воздействия могут послужить действия со стороны США, которые активно используют экономические санкции по отношению ко многим странам. Применение «экономической» силы, помимо прочего, также связано и с военной сферой, так как происходит ограничение или подрыв военного потенциала стран, на которые направлены экономические рычаги воздействия.

¹ Niehterlein D. United States National Interest in Changing World. – N.Y.: Lexington, 2003. – P.203.

² Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. - Washington: Peterson Institute for International Economics, 2009. – P.248.

В подтверждение вышесказанного стоит привести в пример факт введения режима санкций США в отношении Ирана. Необходимо отметить, что в 1979 году Соединенные Штаты впервые ввели экономические санкции против Ирана по причине оккупации американского посольства в Иране¹. С того момента санкционный режим продолжает действовать, что послужило введению торгового и инвестиционного запрета. В 2002 году СБ ООН и ЕС также ввели санкции против Исламской республики Иран после появления сведений о попытках Ирана обрести ядерное оружие².

Таким образом, очевидно, Иран находился в тяжелом положении ввиду ограничений на экспорт иранской нефти. А для страны-экспортера нефти утрата основного источника дохода безусловно привела к инфляции, что в свою очередь послужило росту уровня бедности в стране. Несмотря на успешные переговоры Ирана с Германией и пятью державами ООН, обладающими правом вето, итогом которых стало подписание договора о решении ядерного спора³, все же урон, нанесенный санкциями на положение данной страны, очень велик. На данный момент стране не хватает инвестиций для повышения уровня экономики⁴.

При этом, несмотря на серьезное влияние экономических санкций на положение страны, все же экономика государства может адаптироваться к введенным санкциям путем изменения географии направлений своей внешнеэкономической деятельности, ориентируясь на страны или группу стран, которые не участвуют в санкционной политике. А именно санкционируемое государство при осуществлении международных расчетов может использовать валюту, альтернативную валюте санкционирующего

¹ История введения санкций против Ирана [Электронный ресурс] // ИноСМИ. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/asia/20150302/226574256.html>

² Там же.

³ История переговоров Ирана и «шестерки» международных посредников. Досье [Электронный ресурс] // ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/1563027>

⁴ Иран возвращается на глобальные рынки: обзор наиболее значимых отраслей экономики [Электронный ресурс] // ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/3333962>

государства, равно как и использовать компании-посредники для реализации внешнеторговых контактов.

Кроме того, в рамках рассмотрения данного вопроса были проанализированы исследования результативности экономических санкций, а именно исследование в Институт мировой экономики Петерсона (США) и работа Р. Гарфилда, Д. Девина и Д. Фейси «The Health Impact of Economic Sanctions». Данный анализ показал, что из 204 рассмотренных случаев введения санкций, 51% - частичное изменение политики санкционируемого государства, 31% - смена политического курса, 31% - сокращение военного потенциала, 21% - прекращение военных действий¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что примерно в 30% случаях санкционная политика как инструмент воздействия на политическую ситуацию в странах приводит к должному результату. Следовательно, экономические санкции являются важным механизмом регулирования международных политических и экономических отношений.

Еще одним инструментом «экономической» силы является предоставление экономической помощи иностранным государствам. Например, Россия зачастую проявляет инициативу в оказании финансовой поддержки других стран, как в рамках двустороннего формата, так и через различные фонды развития. Очевидно, что Россия оказывает в большей мере финансовую помощь странам СНГ, оставаясь лидером на постсоветском пространстве, а также, в последнее время РФ систематически оказывает поддержку Сирии, стремясь тем самым не только поддержать сирийскую власть, но и обезопасить свои границы и сформировать свой внешнеполитический имидж так называемого «неравнодушного актора».

Таким образом, программы экономической помощи со стороны правительства государств направлены не только на решение различного рода

¹ Заернюк В. М. Оценка эффективности введения санкций: мировой опыт [Электронный ресурс] // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – Режим доступа: otsenka-effektivnosti-vvedeniya-sanktsiy-mirovoy-opyt.pdf

политических задач для стабилизации внутренней и внешней политики стран, но и на создание положительного внешнеполитического имиджа государств на международной арене. Кроме того, активно применяется инструмент оказания материальной помощи на предоставление военных нужд, который, очевидно, носит политизированный характер.

Следующим механизмом «экономической» силы являются прямые иностранные инвестиции, являющиеся основным источником финансовых ресурсов. Существуют различные модели применения прямых иностранных инвестиций в качестве «экономической» силы, однако, как правило, выделяют три ключевые.

Первая модель предполагает расширение экономического влияния со стороны развитых стран, используя прямые иностранные инвестиции. Следовательно, население страны становится зависимым от страны-донора и предоставляемых им инвестиций. Например, объем прямых иностранных инвестиций Китая в 2017 году превышает показатели Европейского Союза и Северной Америки ¹. Следовательно, Китай, являясь экономической державой, поставляет наибольшее количество иностранных инвестиций, что в свою очередь способствует расширению экономического влияния КНР.

Ключевая особенность второй модели заключается в инвестировании государства только по отношению к такой стране, чья политика устраивает страну-донора. Например, согласно данным Центрального Банка РФ, в 2018 году прямые иностранные инвестиции в российский бизнес значительно сократились по причине введения санкций со стороны Запада ², так как санкции затрагивают наиболее привлекательные сектора российской экономики для стран-инвесторов. Таким образом, согласно данному примеру,

¹ В 2017 году Китай поставил исторический рекорд по объему привлечения прямых иностранных инвестиций [Электронный ресурс] // Китай и Россия. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0124/c31518-9419303.html>

² Иностранные инвестиции в российский бизнес упали рекордно с 1990-х [Электронный ресурс] // РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/12/10/2018/5bc0a88e9a794756f91868da>

очевидно, что ввиду наличия определенного ряда причин объем прямых иностранных инвестиций может как увеличиться, так и сократиться.

Суть третьей модели состоит в ее применении по отношению к авторитарным государствам. При направлении прямых иностранных инвестиций в сектор государственной экономики укрепляется именно политический режим страны, в то время как при инвестировании в частный сектор экономики, увеличивается не только налоговая база государства, но и роль людей, которым были направлены инвестиции.

Таким образом, прямые иностранные инвестиции как рычаг «экономической» силы государств способствует росту экономики и распространению экономического влияния страны.

Несмотря на то, что в первую очередь в международных отношениях акцентируется внимание на использовании государствами «жесткой» силы, а также возрастает актуальность фактора «экономической» силы, все же влияние инструментов «мягкой» силы, заметно усиливается.

«Мягкая» сила представляет собой особый вид внешнеполитической деятельности, связанный с использованием убедительного подхода к международным отношениям. Также «мягкая» сила предусматривает распространение влияния одного государства на другие путем привлечения симпатий к своей стране через культуру, дипломатию и политическую идеологию¹. Термин «мягкая сила» ввел в научное обращение Дж. Най в начале 1990-х в своей работе «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской мощи»², а получило развитие данное понятие в 2004 году в другой его книге «Слагаемые успеха мировой политики»³. Под «мягкой» силой Дж. Най понимает способность достигать желаемого посредством

¹ Гукасов А.В. «Мягкая сила» во внешней политике современных государств [Электронный ресурс] // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Режим доступа: https://pglu.ru/upload/iblock/00e/a.v.-gukasov-_myagkaya-sila_-vo-vneshney-politike-sovremennykh-gosudarstv.pdf

² J. Nye. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – N.Y.: Basic Books, 1990. – P.210.

³ J. Nye. Soft Power. The Means to Success in World Politics. – N.Y.: Public Affairs, 2004. – P.192.

убеждения, а не с помощью принуждения. Кроме того, он выделяет три основных ресурса, формирующих данную стратегию: культуру, политические ценности и дипломатию¹.

Одним из базовых ресурсов «мягкой» силы является культурно-ценностная привлекательность. Внешняя культурная политика может быть разделена на официальную и неофициальную.

В первую очередь под официальной культурной политикой подразумевается регулирование культурной сферы внешней политики со стороны государства, что зачастую сопровождается формированием межправительственных учреждений или структур. Например, различные международные организации языкового сотрудничества, такие как «Франкофония» или общественные организации, такие как фонд «Русский мир», «Россотрудничество», Ассоциация культурного международного сотрудничества Степана Эрзи (ACISE), Итальянский институт культуры в Москве и др.

В данном контексте важно упомянуть тот факт, что китайская «мягкая» сила также основана на распространении китайского языка и культуры по всему миру. Только за последние годы, начиная с 2004 года, было создано около 500 Институтов Конфуция по всему миру². Основной целью международных культурно-образовательных центров является распространение китайского языка за рубежом, а также рост понимания культурных особенностей Китая во всем мире. Данный факт демонстрирует очевидный рост влияния китайской «мягкой» силы, причиной успеха которой является правильно выбранная тактика, которая заключается в том, что одна сила не может существовать без другой.

Также стоит отметить, что зачастую в рамках официальной культурной политики активно используются и неофициальные механизмы управления,

¹ J. Nye. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. – N.Y.: Public Affairs, 2004. – P.192.

² Об Институте Конфуция [Электронный ресурс] // Портал УрФУ. – Режим доступа: <https://ci.urfu.ru/ru/about/>

например, финансирование и поддержка данного аспекта осуществляется со стороны спонсорских организаций или частных фондов. Например, в России банк ВТБ активно занимается спонсорской и благотворительной деятельностью в сфере культуры и спорта. Рассматривая именно сферу культуры, стоит упомянуть, что Банк ВТБ сотрудничает с большим количеством музеев, театров, а также с передачей «Что? Где? Когда?»¹.

Неофициальная внешняя культурная политика направлена на распространение массовой культуры и в свою очередь делится на 3 элемента: СМИ, шоу-бизнес, кинематограф. Неофициальная внешняя культурная политика занимает особое место в формировании имиджа государства, так как данные элементы направлены на массовую аудиторию потребления. Стоит отметить, что именно США, а точнее Голливуд как главный инструмент современной культурной политики США, являются лидерами в формировании компонентов неофициальной внешней культурной политики, так как ежегодно сотни фильмов выпускают в прокат именно Соединенные Штаты Америки, а тенденции в массовой культуре определяются также американским шоу-бизнесом.

Также ярким примером кинематографа как компонента неофициальной внешней культурной политики является Болливуд – одна из старейших в мире киноиндустрий и базовый элемент «мягкой» силы Индии. Необходимо подчеркнуть тот факт, что именно через фильмы Болливуда иностранная аудитория узнает ценности, традиции и культуры Индии. Кроме того, по данным на 2018 год индийские фильмы по годовому производству занимают первое место среди других кинематографов, а трансляция индийского кино демонстрируется в кинотеатрах более 90 стран².

Тем не менее, несмотря на успех Болливуда в процессе формирования внешнеполитического имиджа государства, индийские фильмы не

¹ Проект «ВТБ – России» [Электронный ресурс] // ВТБ. – Режим доступа: <https://vtbrussia.ru/about/>

² Гуляр Д.Д. Мягкая сила Индии [Электронный ресурс] // Cyberleninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-indii>

направлены на позиционирование четкого посыла, как например, американские фильмы служат проводником идеи распространения американской демократии.

Кроме того, СМИ, безусловно, представляют собой механизм формирования имиджа государств, а следовательно, распространяют информацию на массовое потребление и формируют общественное мнение. Например, имидж России на глобальном уровне формируется каналом Russia Today. Также через государственное радио «Голос России», вещание которого происходит на 38 языках, создается образ страны у иностранной аудитории.

Таким образом, несмотря на важную роль СМИ в процессе формирования имиджа государства за рубежом, все же в настоящее время уровень доверия к источникам иностранного вещания стремительно падает. Следовательно, в современных политических реалиях очень сложно поддерживать положительный образ страны для зарубежных граждан.

Таким образом, внешняя культурная политика, являясь инструментом «мягкой» силы, выполняет важную роль в реализации внешнеполитических задач, которые направлены на обеспечение благоприятных внешних условий для развития государства и укрепление его международных позиций.

В данном контексте уместно отметить, что информационный фактор является весьма важным условием функционирования политической деятельности. Новейшие информационные технологии способствовали появлению инструментария, позволяющего влиять на внутренние дела другого государства. Страны используют глобальную информационную сеть, как средство и среду своей деятельности, вследствие чего происходит виртуализация политического процесса и его результатов. Информация продолжает оставаться рычагом управления общественными и государственными явлениями, оказывая при этом влияние на национальную и общественную безопасность. Именно поэтому в современной системе

международных отношений большое внимание уделяется выработке мер по предотвращению информационного противоборства.

Необходимость построения глобального информационного общества обусловлена не только стремлением к безопасности, но и к сокращению глобального ущерба от киберпреступности, который по данным на 2016 год превысил 400 млрд. долларов и эта цифра продолжает расти¹. Именно поэтому возникает необходимость правового регулирования информационного пространства, однако этот процесс ввиду своего глобального характера несет в себе определенные сложности. Кроме того, проблемы в регулировании киберпространства возникают из-за отсутствия механизмов контроля. Следовательно, только комплексное международное сотрудничество, а также унификация национальных правовых норм в данной сфере смогут способствовать улучшению ситуации.

Также компонентом «мягкой силы» является политическая идеология, которая распространяется, как правило, при помощи международных СМИ, продуктов шоу-бизнеса, официальной и публичной дипломатии.

Традиционная дипломатия является неотъемлемой частью внешнеполитической стратегии государства. Именно дипломатические представительства и дипломаты представляют национальные интересы страны на международной арене, формируя диалог с политической элитой и официальными структурами.

Но сегодня традиционная дипломатия претерпевает значительные изменения, так как включает в себя взаимодействие не только официальных участников, но и негосударственных субъектов. Во многих государствах роль традиционной дипломатии остается также главенствующей, как, например, в России или Великобритании. Также существуют страны, где публичная дипломатия является неотъемлемым элементом внешнеполитической деятельности, как в США.

¹ «Мутная вода» киберпространства [Электронный ресурс] // РСМД. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mutnaya-voda-kiberprostranstva/>

Таким образом, официальная дипломатия зачастую бывает менее эффективна ввиду отсутствия коммуникаций с неофициальными структурами.

Необходимо отметить тот факт, что до появления термина «мягкая» сила активно использовался другой термин – «публичная дипломатия», деятельность которой направлена на создание образа страны, а именно ее имиджа и репутации. Термин «публичная дипломатия» был предложен в 1965 году Эдмундом Галлионом, а расцвет ее пришелся на годы холодной войны, после окончания которой на смену публичной дипломатии приходит «мягкая» сила¹. На сегодняшний день публичная дипломатия является неотъемлемой частью «мягкой» силы. Так как классическая дипломатия, а именно сотрудничество и взаимодействие стран являются далеко не единственным аспектом международной деятельности, следовательно, в рамках современных международных отношений значение «второго канала дипломатии» стремительно возрастает.

Подводя итог вышеприведенному анализу стратегии «мягкой» силы, стоит сказать, что на данный момент очевидным является тот факт, что «мягкая» сила как ресурс внешней политики наиболее развита в США. Необходимо отметить, что долгое время в политике Соединенных Штатов Америки именно «жесткая» сила оставалась главным средством для противостояния угрозам безопасности, о чем свидетельствуют интервенции Соединенных Штатов в ряд стран. Все же в настоящее время, несмотря на высокий уровень развития фактора «мягкой» силы в США, другие страны, в особенности КНР также акцентируют внимание на «мягкую» силу, что может послужить становлению ряда стран в качестве потенциальных конкурентов для США по развитию стратегии «мягкой» силы.

В данном контексте уместно отметить, что существует несколько путей расширения влияния фактора «мягкой» силы во внешнеполитической

¹ Особенности института публичной дипломатии в России [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1315>

стратегии государств. Один из которых предполагает проведение различных информационных и рекламных мер пропагандистского характера, направленных на формирование и улучшения внешнеполитического имиджа государства. Данный способ повышения значения инструментов «мягкой» силы в контексте реализации внешнеполитических задач государства называется «искусственным» и включает в себя такие направления, как государственная дипломатия, публичная дипломатия, а также программы оказания гуманитарной помощи другим государствам.

Необходимо подчеркнуть, что в процессе укрепления «мягкой» силы каждое государство отталкивается от своих национальных интересов, что соответственно отражается на дальнейшем результате. Например, как показал исторический опыт, Соединенные Штаты Америки, руководствуясь идеей распространения демократии во всем мире, стремятся продвигать свои собственные политические ценности, зачастую используя инструменты «жесткой» силы. Китай же ориентируется на совершенно противоположную тактику, а именно вмешательство во внутреннюю политику других государств по средством продвижения своей культуры и языка. В любом случае, метод укрепления стратегии «мягкой» силы направлен на повышение авторитета государства на мировой арене.

Таким образом, безусловно, государства стремятся к наращиванию потенциала «мягкой» силы, но существует риск того, что сформированный имидж государств может подорваться ввиду наличия глобальных информационных войн, когда процесс создания и улучшения внешнеполитического имиджа становится намного сложнее по причине отсутствия контроля в информационной среде.

Также необходимо упомянуть, что наряду с «жесткой», «мягкой» и «экономической» силами государствами активно используется «умная» сила, которая основывается на нахождении правильного баланса между «жесткой»,

«мягкой» и «экономической» силами¹. Рассматривая данный относительно новый концепт, хотелось бы отметить, что «умная» сила была разработана Центром стратегических и международных исследований, а сам термин был введен в оборот Джозефом Наем. При разработке данной теории, политолог отмечал главную задачу «умной» силы, которая заключается в обеспечении мирового блага². Также необходимо упомянуть три ключевые особенности данной стратегии, о которых говорит Дж. Най³.

Во-первых, «умная» сила не рассматривается как отдельная форма «силы», а была введена как метод, предполагающий использование различных инструментов и форм силы. Во-вторых, «умная» сила рассматривается как подход к использованию государствами определенной силы. И, в-третьих, Най сравнивал данную концепцию с целью⁴.

Следовательно, суть данной концепции заключается в том, что она является комбинацией «мягкой», «жесткой» и «экономической» сил, и предусматривает попеременное применение ресурсов обеих сил с учетом разных обстоятельств. Таким образом, несмотря на то, что «умная» сила является продуктом американской политической мысли, ее можно применять на практике в условиях отличных от американских.

Помимо прочего важно упомянуть, что в 2010 году в международном политическом лексиконе появилась стратегия «разумной» силы⁵. Поводом к концептуально-смысловому разделению «разумной» силы и «умной» силы послужили события «арабской весны», когда стали активно применяться коммуникативные интернет-технологии. Ключевой особенностью, отличающей стратегию «разумной» силы от стратегии «умной» силы

¹ Nye. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. – N.Y.: Public Affairs, 2004. – P.192.

² Smart power initiative [Электронный ресурс] // CSIS. – Режим доступа: <https://www.csis.org/programs/former-programs/smart-power-initiative>

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Костырев А. Г. «Разумная сила», общественная дипломатия и социальные сети как факторы международной политики // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 2. – С. 143-149.

является положение о необходимости формирования глобального коллективного лидерства, в то время как в рамках стратегии «умной» силы не было предпринято никаких действий, направленных на преодоление гегемонии США в условиях нарастающих проблем международного характера. К инструментам «разумной» силы относятся экономическая дипломатия, электронная дипломатия, многосторонняя дипломатия, а также участие государств в политике глобальной безопасности.

Таким образом, подводя итог вышеприведенному анализу, можно сказать, что в современных условиях именно применение стратегии «умной» силы, которая заключается в балансе «жесткой», «мягкой» и «экономической» сил, позволяет государствам достигать своих внешнеполитических целей и задач. Помимо прочего, стоит отметить, что для реализации определенных внешнеполитических целей и задач «умная» сила предполагает создание сетевых структур, в рамках которых будут взаимодействовать государства определенного региона, что в свою очередь будет способствовать достижению эффективного результата.

1.2. Диаспора как инструмент внешней политики современных государств

На сегодняшний день усиление процессов глобализации приводит к свободному перемещению населения. Увеличению миграционных потоков способствует большое количество факторов экономического, политического и социального характера. В свою очередь именно глобальные миграционные потоки формируют диаспоры.

Первоначально, необходимо рассмотреть понятие «диаспора» и основные характеристики данного термина.

Диаспора представляет собой этнические общности, которые по определенным причинам проживают за пределами страны-происхождения. Сейчас данный термин распространяется на большое количество

национальностей, однако ключевой особенностью, отличающей диаспору от этнической группы, является наличие национальной самобытности своего народа, представители которого в рамках диаспоры стремятся сохранять, содействовать и поддерживать развитие своей культуры, сознания и языка.

Изучая сущность термина «диаспора», стоит отметить основные ее признаки. Во-первых, традиционно основанием для формирования диаспоры служила принадлежность ее к определенной этнической группе. Одним из важных условий возникновения диаспор является необходимое количество ее представителей. Например, А.А. Хохлов и Н. М. Лебедева считают возможным существование некоего размера этнической группы, который необходим для обеспечения социальной поддержкой ее членов. Не менее важной особенностью диаспор является ее проживание за пределами своей родины, а именно в иноэтнической среде. Также важным критерием считается личная самоидентификация как реакция на конкретную политическую ситуацию.

Таким образом, эволюция понятия «диаспора» прошла долгий путь, однако в настоящий момент данное явление ввиду современного состояния глобальной миграции, очевидно, нуждается в подробном анализе и изучении, а также, ввиду усиления роли диаспор в качестве инструментов внешней политики, важно рассмотреть степень влияния диаспор на политику и систему международных отношений в целом.

Диаспоры являются относительно новыми инструментами внешней политики государств, приобретая политическое и культурное влияние, а также сосредотачивая значительные финансовые активы в странах пребывания, диаспоры обеспечивают этническую родину, связь с которой они сохраняют, возможностями для реализации национальных интересов. Понимание этого факта необходимо всем странам, но в особенности государствам, стремящимся занять лидирующее положение на мировой арене.

Российский специалист по этническим проблемам мировой политики К. Боришполец отмечает, что государства активно используют диаспору как инструмент для улучшения собственных информационных и финансовых возможностей¹, однако для эффективного использования ресурса диаспор надо уметь правильно его использовать, так как диаспоры основываются на эмоциональных связях, которые намного интенсивней, но в то же время менее устойчивы, чем политические взаимодействия.

Деятельность диаспор на международной арене может быть активной и пассивной, что обусловлено рядом причин, которые в первую очередь определяются участием национальных диаспор во внешнеполитической стратегии государств, а именно взаимодействием со страной происхождения.

Например, китайская диаспора стала движущей силой в процессе становления экономики Китая, а еврейская диаспора, тесно взаимодействуя с США и ЕС, используется Израилем для выстраивания стратегического партнерства с Западом.

В данном контексте стоит провести анализ индийской диаспоры как инструмента внешней политики Индии. Важно отметить, что первоначально в Индии не существовало взаимодействия страны со своей зарубежной диаспорой. Именно Нарендра Моди установил связь между диаспорами и развитием страны.

На данный момент индийская диаспора вносит свой вклад в экономику страны посредством прямых иностранных инвестиций и денежных переводов. В 2016 году Индия сохранила первое место среди крупнейших стран-получателей денежных переводов, получив 62 миллиарда долларов². А

¹ Боришполец К.П. Национальное измерение «глобального мира» // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. – 2001. – № 1. – С. 3-14.

² India's Diaspora Policy: A New Era of Inclusion [Электронный ресурс] // The Indian Economist. – Режим доступа: <https://m.dailyhunt.in/news/india/english/the+indian+economist-epaper-indecono/india+s+diaspora+policy+a+new+era+of+inclusion-newsid-73885531>

приток прямых иностранных инвестиций увеличился с 36 миллиардов долларов в 2014 году до 60 миллиардов долларов в 2017 году¹.

Кроме того, стоит упомянуть, что премьер-министр Португалии Антонио Коста принадлежит к индийской диаспоре. Что на сегодняшний день способствовало тому, что Португалия подписала меморандумы о сотрудничестве с Индией в области науки, технологий, космоса, торговли и инвестиций. Также эффективная диаспоральная политика способствовала отмене двойного налогообложения. А в двусторонних отношениях Индии и США деятельность индийской зарубежной диаспоры в рамках таких групп, как Комитет политических действий США и Индии, Друзья Индии, Фонд Канады и Индии, а также Деловой совет Канады и Индии активно продвигает интересы Индии.

Таким образом, диаспоральная политика – государственная поддержка соотечественников за рубежом – играет ключевую роль в укреплении внутренней консолидации зарубежных диаспор и в развитии их влияния на внешнюю политику страны проживания. Именно поэтому многие государства активно поддерживают свои зарубежные диаспоры, как, например, в Японии и Китае ежегодно выделяется значительная доля средств из государственного бюджета на эти цели.

При отсутствии диаспоральной политики во время зарождения диаспоры, как в случае с диаспорами армян и евреев, происходит внутренняя самоорганизация. Но при намеренном отсутствии регулирования диаспоральной политики во время развития этнических меньшинств, снижается дееспособность диаспоры, что приводит к ухудшению ее связей с родиной. Очевидным примером, является Россия, где осознание значимости зарубежных общин наступило очень поздно. Рассматривая русских эмигрантов в США, можно отметить, что русские не имеют собственной диаспоры, образуя при этом разрозненные многочисленные общины и,

¹ Can Diaspora Diplomacy Support India's Foreign Policy Goals? [Электронный ресурс] // Observer Research Foundation. – Режим доступа: <https://www.orfonline.org/expert-speak/can-diaspora-diplomacy-support-indias-foreign-policy-goals/>

следовательно, в Соединенных Штатах отсутствует российское лобби. А ведь одна из основных политических функций диаспоры – это лоббирование ее интересов.

На примере армянской диаспоры стоит показать ее эффективность на территории другого государства. З. Бжезинский охарактеризовал армянскую диаспору как одно из наиболее успешных этнических лобби в Америке. Ведь, в США действуют влиятельные группы, ведущими из которых являются «Армянская Ассамблея Америки» и «Армянский национальный комитет Америки». Кроме того, как в Республиканской, так и в Демократической партиях страны существуют армянские советы.

Таким образом, пример Израиля, Армении, Китая и Индии, где именно посредством диаспор были сделаны первые шаги в распространении культуры данных стран за рубежом, показывает, что именно диаспора является эффективным инструментом лоббирования интересов страны-происхождения. Кроме того, присутствие диаспоры за рубежом является фактором реализации национальных интересов, обеспечения культурного и экономического присутствия. Как отмечал Д. Карнеги, если ваша страна лишилась значительной части налогоплательщиков, сделайте из них инструмент влияния¹.

Также необходимо упомянуть особенности «иммиграционной диаспоральной дипломатии», подразумевая под данной стратегией определенный ряд мер, направленных государством или рядом стран в ответ на угрожающее число эмигрантов. Примером может послужить европейский миграционный кризис 2015 года, когда европейским лидерам пришлось столкнуться с неконтролируемым потоком беженцев из стран Ближнего Востока, Африки, Западных Балкан и Южной Азии. Данный кризис заставил серьезно задуматься Ливию и Турцию, которые использовались беженцами в качестве «коридоров» в Европу. Следовательно, государства должны

¹ На благо далекой Родины. В чьих интересах действуют национальные диаспоры [Электронный ресурс] // Мир. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2014/08/06/diaspora/>

находить общие пути решения для координации и контроля миграционных потоков в целях стабилизации внутренней политики стран или группы государств.

Важно отметить влияние диаспор на внешнюю политику государств. Зачастую диаспоры рассматриваются как инструмент «мягкой» силы, так как через диаспоры происходит распространение в мире культуры, языка, духовных ценностей, что безусловно способствует укреплению международного имиджа государств.

Но в то же время существуют и негативное влияние диаспор на национальную безопасность государств, о чем свидетельствует внутренняя неоднородность многих диаспор. Данный факт для государства-исхода говорит о снижении эффективности диаспор в лоббировании своих интересов в государстве пребывания.

Также диаспора может рассматриваться как сеть отношений, которая обозначается тесной связью контактов взаимодействующих групп. Именно посредством сетевой коммуникации диаспоры поддерживают отношения со страной происхождения. Диаспоры совершают политически активные действия, направленные на благо регионов или стран своего происхождения, а также стремятся подорвать политику ассимиляции в государствах проживания диаспор. Следовательно, страна происхождения диаспоры заинтересована в диаспоральной политике, в то время как принимающая страна будет видеть в дистанцировании диаспор назревающую проблему.

Анализируя взаимоотношения государств со своими зарубежными диаспорами принято выделять три направления внешней диаспоральной политики: прагматическое, репатриационное (например, диаспоральная политика Израиля), патерналистское (Венгрии, Польши).

Кроме того, стоит отметить существующие вызовы в условиях политического взаимодействия национальных диаспор и государства. В современном мире локализация диаспор стала настолько многообразной, что можно с уверенностью говорить о формировании транснациональных сетей,

которые играют особую роль в системе международных связей большинства государств. Примером подобной ситуации могут послужить страны постсоветского пространства, тем более что в числе их диаспор работают представители иностранных служб и политической оппозиции. Все же каждая страна стремится обеспечить максимальную транспарентность деятельности других «чужих» диаспор на ее территории, а также стремится осуществлять меры оперативного реагирования, направленные на предотвращение враждебной деятельности членов диаспор на территории государства. При этом страны стремятся обеспечить «свои» национальные диаспоры благоприятными социальными и правовыми условиями.

Следовательно, основными вызовами для политики государств по отношению к диаспорам можно назвать рост криминальных группировок и их влияния, разногласия в плане политических предпочтений между диаспорой и основной частью населения страны происхождения, что приводит к появлению и активизации деятельности провокаторов, оппозиционных лидеров и т.д. Также к одним из главных универсальных вызовов можно отнести нехватку кадров и средств для проведения целенаправленной работы с диаспорами.

В данном контексте хотелось бы привести наглядные примеры в вопросе взаимодействия государств с «чужими» и «своими» диаспорами. Очевидно, США активно взаимодействует с «чужими» диаспорами. А в качестве примера взаимодействия государства и «своей» диаспоры стоит отметить Грецию, Ирландию, Польшу, Израиль, Китай, а также Индию. Все же и «чужая», равно как и «своя» диаспоры являются инструментом «мягкой» силы государств.

При усовершенствовании взаимодействия государств с диаспорами, сдерживанию инновационных действий способствует ключевой политический фактор: как избежать превращения механизма сотрудничества с диаспорами в инструмент иностранного влияния собственной страны. Также государственная политика по отношению к диаспорам сталкивается с

такими проблемами как необходимость оптимизации защиты культурных, гражданских и политических прав членов зарубежных диаспор, а также рассмотрение дополнительных прав, определяющих правовой статус членов зарубежных диаспор на своей исторической родине. Кроме того, государства должны заниматься проработкой способов выстраивания лоббистских сетей в странах пребывания национальных диаспор на основе их потенциала.

Следовательно, очевидным фактом является то, что государство стремится в своей практике к обновлению тактических и стратегических механизмов профильной деятельности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что под воздействием глобализации формируется явно новая политическая картина мира, так как растет тенденция взаимозависимости и взаимодополняемости мира во многих сферах. Диаспоры представляют собой один из малоизученных феноменов современных политических коммуникаций, но не оставляет сомнения факт влияния диаспор на мировую политику, однако последствия их влияния предусмотреть очень сложно. Диаспора как инструмент внешней политики современного государства является проводником его основных национальных и культурных интересов, распространяя их на глобальном уровне. Кроме того, диаспора, очевидно, играет значительную роль в процессе развития и укрепления экономики своей страны, что также говорит о ее необходимости в системе международных отношений. Именно поэтому, справедливо сделать вывод о том, что диаспора бесспорно является элементом «мягкой» силы современных государств.

1.3. Китайские диаспоры во внешней политике Китая на современном этапе: общее и особенное

В настоящее время китайская диаспора является крупнейшей в мире. Объясняется данный факт тем, что во внешней политике КНР значительную роль играет именно этнокультурный фактор. Диаспоры являются главными

проводниками китайского влияния на глобальном уровне, кроме того, они остаются закрытыми для местного населения какого-либо государства и являются частью «Большого Китая».

Важно отметить тот факт, что в китайском языке существует определенная терминология относительно лиц, находящихся за пределами родной страны. Самым популярным термином считается «хуацяо». Данным термином принято называть этнических китайцев, которые впоследствии выехали за пределы родной страны, постоянно проживают за рубежом и имеют иностранное гражданство. Граждане КНР, временно проживающие за границей называются «хуажэнь» (华人), а все живущие за рубежом китайцы называются «цяобао» (侨胞), что дословно означает «соотечественники, проживающие за рубежом». Но все же большой интерес при изучении китайских диаспор, несомненно, вызывают «хуацяо», так как именно этнические китайцы, постоянно проживающие в другой стране, и формируют диаспору. Также важно отметить, что в классическом понимании в понятие «хуацяо» не входят новые мигранты, переехавшие в другие страны после 1990 года¹.

Сейчас китайская диаспора насчитывает по разным данным 62 млн человек и расселена в 150 странах мира². Кроме того, происходит постоянное увеличение числа зарубежных китайцев, как минимум по причине естественного прироста населения. Но более 70% китайских диаспор находится в странах Юго-Восточной Азии³.

Расселение китайского населения результат довольно длительного процесса, значительные масштабы которого пришлось на середину девятнадцатого века. Первоначально в Китае придавалось большое значение

¹ 华侨华人提法的由来 [Электронный ресурс] // 人民政协报. – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-03/08/c_127555770.htm

² 世界华商发展报告 [Электронный ресурс] // CCG. – Режим доступа: <http://www.ccg.org.cn/Research/View.aspx?Id=6515>

³ 世界华商发展报告 [Электронный ресурс] // CCG. – Режим доступа: <http://www.ccg.org.cn/Research/View.aspx?Id=6515>

диаспорам, однако во время культурной революции процесс изучения и поддержки диаспор был приостановлен. В конце 70-х ситуация начала улучшаться, а именно ввиду провозглашенного периода модернизации страны политика по отношению к зарубежным китайцам получила новый импульс развития. Особый рост китайской эмиграции пришелся на 90-е годы.

Большой вклад в развитие китайской диаспоры внес Дэн Сяопин, так как он увидел потенциал для политики Китая в использовании патриотизма зарубежных китайцев¹. Описывая в своих работах особенности зарубежных китайцев, он их называл внуками и сыновьями китайской нации. Кроме того, он отмечал, что у Китая не много возможностей для развития, однако, благодаря нескольким десяткам миллионов патриотов за рубежом Китай сможет добиться расцвета нации и, соответственно, страны. Именно Дэн Сяопин ввел подход защиты интересов зарубежных китайцев, тем самым поднял сотрудничество государства с диаспорой на уровень первостепенных задач страны. Также отношение к зарубежным китайцам было пересмотрено в целях создания реальных условий по эффективному привлечению финансовых средств диаспоры в Китай.

В данном контексте уместно отметить, что китайской зарубежной общине помимо ключевых особенностей, характерных для всех диаспор, присуще такие, как особенное проявление национализма, ощущения связи со своей этнической родиной. Для мест значительного исхода китайских эмигрантов существует понятие «桥乡» («цяоян»), которое дословно переводится как «эмигрантская деревня». Кроме того, китайская диаспора обладает развитыми технологиями, международными деловыми связями, капиталом и предпринимательским опытом. Безусловно, политика Китая ориентируется на активное использование ресурсов китайской диаспоры и в

¹ Оганисян А.Ю. Роль хуацяо в политической и экономической жизни стран Юго-Восточной Азии // Регион и мир. – 2017. – № 1. – С. 96-100.

то же время предоставляет зарубежным китайцам широкий спектр прав и льгот, тем самым развивая их национально-патриотические чувства.

Китай успешно применяет на практике концепцию единой нации, которая базируется на двух основных положениях: стремление сформировать научную модель «единого многонационального Китая», суть которой заключается в том, что КНР образовалась в результате сложного и достаточно длинного процесса исторического развития. Второе положение исходит из ложных представлений о существовании Китая как единого многонационального государства с глубокой древности.

Кроме того, Китай в целях сохранения единой и самобытной нации, ареал распространения которой выходит за пределы национальных границ государства, активно совершенствует многомерную политику по отношению к своим гражданам за рубежом.

Правительство Китая, согласно статье 50 Конституции КНР, внимательно относится к своим гражданам, проживающим за границей. Помимо прочего был сформулирован определенный лозунг 16 иероглифов по отношению к хуацяо, суть которого заключалась в том, что ко всем нужно относиться одинаково, не допускать дискриминации, учитывать особенности и действовать в соответствии с ними (一视同仁, 不得歧视, 更具特点, 适当照顾.)¹. Тем самым было продемонстрировано стремление оказывать поддержку и стимулировать реэмигрантов, а следовательно, период недоверия к зарубежным китайцам был окончен.

Необходимо упомянуть, что диаспоральной политикой Китая занимаются два государственных органа. Во-первых, управление иностранных дел Китая, которое формирует китаецентричность в качестве фактора государственного влияния КНР в странах с высоким процентом представителей своих общин для глубокой интеграции во внутреннюю жизнь страны и лоббирования интересов Китая. Вторым органом является

¹ Конституция КНР [Электронный ресурс] // Конституция КНР. – Режим доступа: www.wbconsult.ru/files/docs/Constituion_KNR.doc

Всекитайская федерация репатриантов, цель которой заключается в поиске профессиональных кадров среди этнических китайцев.

Кроме того, стоит упомянуть о существовании пяти структур, занимающихся работой с представителями китайских зарубежных диаспор, к которым относятся: Канцелярий Госсовета по делам хуацяо, Комитет ВСНП по делам хуацяо, партия Чжигундан Китая, Всекитайская ассоциация реэмигрантов, а также Комитет по связям с Сянганом, Аомэнем, Тайванем и хуацяо ВК НПКСК¹.

Стоит подчеркнуть, что политика КНР по отношению к своим зарубежным диаспорам претерпевала ряд изменений по мере изменений ситуации внутри государства. Следовательно, диаспоральная политика Китая имеет несколько этапов развития. Долгое время политика была направлена именно на защиту хуацяо, однако с периода культурной революции КНР диаспоральная политика характеризовалась дискриминацией, что привело к смене направлений потоков капиталовложений зарубежных китайцев в сторону Макао, Тайваня и Гонконга. Интересным фактом является то, что бурный экономический рост данных территорий берет свое начало от инвестиций со стороны хуацяо. Позже политика Китая по отношению к зарубежным китайцам переориентировалась на курс сохранения представителями китайских диаспор своей национальной и культурной идентичности, также согласно ст. 50, 89 Конституции КНР 1982 года, полномочия по обеспечению защиты прав и интересов китайских диаспор были официально закреплены за Госсоветом Китая². Кроме того, именно в этот период активно разрабатывались различные стратегии по сохранению связей между диаспорами и страной происхождения. Например, стратегия,

¹ Анохина Е.С. Система организации работы по взаимодействию с зарубежными китайцами в КНР // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 362. – С. 65-68.

² 中华人民共和国宪法 [Электронный ресурс] // 全国人民代表大会. – Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/06/content_4421.htm

ключевая идея которой заключается в том, что хуацяо являются частью китайской общины и народа.

Таким образом, очевидно, что сейчас КНР сильно заинтересована в укреплении своей национальной и культурной идентичности. Данная тенденция обусловлена необходимостью в повышении количества образованных людей и капитала хуацяо для проведения так называемой «политики четырех модернизаций» (науки и техники, промышленности, сельского хозяйства и обороны).

В настоящий момент диаспоральная политика Китая является важной составной частью стратегии КНР, что подтверждается докладом Ван Чжаого во время Всекитайского съезда 2015 года, в ходе которого он отметил, что «хуацяо», очевидно, считаются важным элементом в осуществлении великого возрождения Китая, а именно способствуют осуществлению модернизации Китая и распространению китайской культуры на глобальном уровне.

Подробнее исследуя аспекты, по которым сотрудничает Китай со своей зарубежной диаспорой, безусловно, стоит остановиться на вопросе привлечения технологий и инвестиций. Еще с начала 90-х годов КНР взяла курс на стимулирование высокотехнологичных производств, а для расширения импорта технологий Китай стал привлекать представителей китайских диаспор, работающих в сфере технологий.

Многие исследователи проводят параллель между экономическим усилением КНР, принятием его в ВТО и деятельностью хуацяо. Ведь именно китайская диаспора не только вкладывала огромные инвестиции в экономику страны, но и лоббировала ее интересы на глобальном уровне.

Руководство Китая, используя диаспоральную политику, всегда стремилось расширить связи с другими странами для того, чтобы реализовать программу модернизаций.

Самое большое влияние китайские диаспоры оказывают на регион Юго-Восточной Азии, а также на США и Канаду. Подробнее рассматривая фактор китайской диаспоры в США и Канаде, необходимо отметить, что

основа формирования китайских диаспор в этих странах происходила в конце двадцатого века. Но несмотря на довольно небольшой промежуток времени китайская диаспора активно проявляет себя как инструмент внешней политики КНР.

На территории КНР создавались определенные органы, обеспечивающие иммигрантам Китая переезд до России, Австралии, Канады и США. Позже появились частные компании, занимающиеся организацией эмиграционного процесса на территории каждого отдельного округа Китая. Представители китайской диаспоры обязаны выплачивать 2,5 % от всех доходов именно в эти компании.

Сегодня на территории США и Канады появилось большое количество китайских предприятий в разных сферах. Кроме того, этнические китайцы являются учредителями многих крупных банков Северной Америки, таких как Американский азиатский банк или Американский калифорнийский банк, а также имеют доли в ряде крупных банков.

Также китайские диаспоры начали активно создавать разного рода организации и объединения. Например, в США есть свои чайнатаун, целью которых является не только объединение усилий для выживания в незнакомом обществе, где полностью незнакома ни культура, ни язык, но и исполнение функций посредника в случае прибытия новых мигрантов, что также послужит сохранению их культуры в стране проживания.

Помимо прочего, Китай активно сотрудничает с представителями своей диаспоры в научно-технической сфере. Например, стоит упомянуть, что одна треть руководителей ведущих вузов КНР-реэмигранты. Следовательно, именно хуацяо создали фонды для субсидирования обучения китайских студентов в ВУЗах Соединённых Штатов Америки и Западной Европы. Например, в 2012-2013 учебном году в США учились 235,5 тысяч

китайских студентов¹. И в данном контексте важно отметить, что описанный выше массовый отъезд китайских студентов за рубеж является продуманной политикой Пекина.

Следовательно, выбранная политика Китая явно демонстрирует успехи функционирования диаспор. Например, по статистика на 2000 годы китайские студенты, уехавшие за рубеж, возвращаются на родину для развития национальной экономики и политики. А именно, приехавшие из зарубежных стран китайцы, открыли более 4 тыс. высокотехнологичных компаний в Китае, которые в общем приносят ежегодные прибыли более 1,25 млрд. долларов².

Соответственно, образ Китая в США, безусловно, формируется не без участия китайской диаспоры. Сейчас на первый план в двусторонних отношениях вышли культурный аспект и экономический рост. Кроме того, несмотря на сложности в торговых отношениях двух стран, Пекин стремится, используя свою диаспору, которая успешно продвигает интересы КНР в Вашингтоне, подорвать статус Тайваня в США. Следовательно, китайская политика в США не представляется без деятельности зарубежной диаспоры КНР, равно как и анализ современной китайской политики невозможен без оценки роли китайской общины внутри Соединенных Штатов Америки.

Помимо прочего, в настоящее время в отношении зарубежных китайцев КНР проводит политику под лозунгом «консолидировать сердца, объединять умы и развивать возможности для возрождения великой китайской нации³. Следовательно, Китай стремится активно способствовать объединению зарубежных китайцев и усилению патриотизма.

¹ Рекордное количество иностранных студентов обучается в американских ВУЗах [Электронный ресурс] // ИНОСМИ.РУ. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/world/20131113/214727459.html>

² Точеная А. О. Китайская диаспора в США // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – №10. – С.103-116.

³ Ли Хайфэн. Новые возможности в работе с хуацяо, открывшиеся после 17 съезда КПК [Электронный ресурс] // China Review News. – Режим доступа: <http://cn.chinareviewnews.com/doc/1004/6/7/4/100467404.html?coluid=7&kindid=0&docid=100467404&mdate=1012122901>

Кроме того, Китай всегда стремился интегрировать зарубежных китайцев в процесс принятия внешнеполитических решений. Например, в США есть представители политического истеблишмента среди зарубежных китайцев. Можно отметить таких высокопоставленных чиновников как министра торговли Гэри Лок, министра энергетики Стивен Чу, секретаря администрации Белого дома Лу Пэйнин, юридического советника министра национальной безопасности Фан Фуяой и др.¹

Таким образом, целью современного руководства Китая является увеличение числа квалифицированных кадров. Данное устремление обусловлено не только институционализацией китайских диаспор, но и возрастающим стремлением у китайских студентов получить качественное западное образование. Безусловно, экспансия китайской диаспоры направлена на стратегически важные для Китая регионы, такие как Юго-Восточная и Центральная Азия, Африка, Австралия, ЕС, а также Северная и Южная Америка.

Следовательно, именно с усилением политического и особенно экономического влияния КНР на мировой арене, выгодным для многих стран представляется тесно сотрудничать с китайскими диаспорами, равно как и привлекать их представителей к управленческим должностям.

Кроме того, можно сделать вывод, что сегодня китайская эмиграция обусловлена не только политическими причинами, а также экономической мотивацией и стремлением к зарубежному образованию. Факт того, что представители китайских диаспор занимают высокие должности в правительстве стран Запада, свидетельствует об отсутствии политической дискриминации по отношению к хуацяо. Следовательно, в целом сформировано положительное отношение к мировой китайской диаспоре.

¹ Сергеева А. А. Поиски эффективного использования диаспоры // Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 8. – С.32-35.

Таким образом, китайская диаспора стремится содействовать развитию своей страны, следовательно, взаимодействие национальной зарубежной диаспоры и Китая вполне можно назвать взаимовыгодным.

Следовательно, в условиях глобализации спектр инструментов реализации внешней политики современных государств значительно расширяется. Наряду с широким инструментарием «жесткой» и «экономической» сил особую актуальность во внешнеполитической стратегии государств приобретает потенциал «мягкой» силы, в рамках которой большое значение играют диаспоры как инструмент внешней политики государств. Вместе с тем диаспоры являются проводниками национальных и культурных интересов государств, а также играют значительную роль в процессе развития и укрепления национальной экономики своей страны. В рамках современных международных отношений именно Китай придает большое значение развитию диаспоральной политики, что отражается в активном взаимодействии страны со своей национальной зарубежной диаспорой. Данная стратегия обусловлена тем фактом, что КНР, используя диаспоральную политику, стремится расширить свои связи с другими странами в целях расширения своего влияния на глобальном уровне.

ГЛАВА 2. КИТАЙСКИЕ ДИАСПОРЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

2.1. Специфика внутренней организации китайских диаспор в государствах Юго-Восточной Азии

Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии начала формироваться после 1950-х годов и сейчас является неотъемлемой частью стран данного региона. Стоит отметить, что на данный момент около 75 % зарубежных китайцев приходится на страны Юго-Восточной Азии¹, что, безусловно, не может не отразиться на внутренней политике и экономике каждой отдельной страны региона. Кроме того, в начале двадцать первого века китайская диаспора считалась «четвертой экономикой мира» после Соединенных Штатов Америки, Китая и Японии, так как она обладает капиталом в размере 1,5 миллиардов долларов². Следовательно, на протяжении последних тридцати лет экономическая мощь КНР в Юго-Восточной Азии активно развивается в первую очередь за счет инвестирования региона в экономическое сотрудничество с Китаем.

Рассматривая институциональную структуру китайских диаспор в отдельных странах Юго-Восточной Азии, стоит отметить, что зарубежные китайцы имеют внутреннюю сплоченность, однако их участие в политической сфере Юго-Восточной Азии относительно невелико.

Китайские диаспоры в Юго-Восточной Азии больше рассматриваются как бизнес-диаспоры, так как они служат источником инвестиций для стран

¹ Анохина Е.С. Китайские диаспоры и «новая» китайская миграция в странах Юго-Восточной Азии // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 361. – С. 63-64.

² Ларин А.Г. Мировая китайская диаспора и новая миграционная концепция России // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2013. – №18. – С.392.

региона. После финансового кризиса 1997 года китайское правительство оказывало поддержку странам Юго-Восточной Азии, тем самым КНР усилила не только взаимодействие со странами региона, но и свое влияние на внутреннюю экономику каждого отдельного государства.

Ключевой сферой деятельности китайских диаспор в странах Юго-Восточной Азии является торговля. По сравнению с национальными предпринимателями в странах Юго-Восточной Азии китайские бизнесмены имеют высокую степень интернационализации, следовательно, могут эффективно использовать возможности стран региона для привлечения иностранных инвестиций с целью обеспечения трансграничной торговли. Торговля, равно как и отношения между Китаем и странами Юго-Восточной Азии находятся на высоком уровне, о чем свидетельствует факт создания зоны свободной торговли между Китаем и странами АСЕАН.

Например, на данный момент хуацяо создали крупнейшие холдинги в таких странах как Филиппины, Малайзия, Сингапур, Индонезия и Таиланд. Необходимо отметить, что бизнес-активы пяти стран составляют более 90 % всех активов китайских бизнесменов в Юго-Восточной Азии¹.

По наличию представителей зарубежных китайцев, диаспоры в странах данного региона можно разделить на ассимилировавшиеся (Филиппины, Таиланд, Вьетнам), неассимилировавшиеся (Малайзия и Индонезия) и страны, где диаспоры занимают доминирующее положение, а именно – Сингапур.

Степень ассимилированности безусловно зависит от политики местного правительства каждого отдельного государства региона. Например, Малайзия стремительно проводила политический курс, направленный на формирование малайской идентичности, что помимо прочего было связано с религиозной разрозненностью и как следствие, был образован так называемый «китайский анклав».

¹ Афонасьева А.В. Экономическая деятельность зарубежных китайцев и реэмигрантов в КНР в ходе реформ (1979–2010 гг.): автореф. дисс. ... канд. экон. наук. – М., 2012. – С.4.

В Индонезии, одной из крупнейших стран Азиатско-тихоокеанского региона, проживает около 7 миллионов китайцев¹. В свою очередь в середине двадцатого века, когда Индонезия получила независимость, произошли масштабные гонения на этнических китайцев. Следовательно, антикитайское законодательство способствовало препятствию ассимиляции китайских диаспор, в результате чего также, как и в Малайзии, был образован китайский анклав. Таким образом, хуацяо на территории данного государства, несмотря на глубокий уровень интеграции в социально-экономической структурах, остаются крайне уязвимыми в политической и социальной сферах.

В Индонезии также большую роль представители китайской диаспоры играют в сфере экономики. Самые крупные компании, такие как Lippo Group (конгломерат, контролирующей инвестиции в различные сферы), Bogasari (предприятие по производству муки), Gudang Garam (пищевое производство) и др. находятся под контролем хуацяо².

На данный момент двусторонние отношения Китая и Индонезии активно развиваются. Однако несмотря на то, что в Джакарте в 2012 году был открыт «Музей хакка в Индонезии»³, а мэром Джакарты с 2014 года является этнический китаец Басуки Чахая Пурнама⁴, интеграция китайского населения в Индонезии происходит медленно.

Кроме того, именно в Индонезии функционирует около восьмидесяти частных китайских банков, что составляет 70% от всех частных банков

¹ Роль китайских иммигрантов в Индонезии [Электронный ресурс] // Информационное агентство REX. – Режим доступа: <http://www.iarex.ru/articles/52458.html>

² ASEAN-China Free Trade Area. Paper for presentation at the AEP Conference // Singapore Institute of International Affairs. – 2004. – P.18.

³ Museum Hakka Indonesia (印尼客家博物館) [Электронный ресурс] // 印尼客家博物館. – Режим доступа: <http://www.museumhakkaindonesia.com/>

⁴ Петрова О. Л. Положение китайского меньшинства в Индонезии в свете индонезийско-китайских отношений [Электронный ресурс] // Cyberleninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/polozhenie-kitayskogo-menshinstva-v-indonezii-v-svete-indoneziysko-kitayskih-otnosheniy>

Индонезии¹. Например, крупнейший частный банк Bank Central Asia в Индонезии был основан китайским предпринимателем Судано Салихом, а на данный момент контрольный пакет акций принадлежит именно представителям китайской диаспоры – братьям Хартоно². Интересным фактом является то, что из 10 банков, проводящих валютные операции по разрешению правительства, 5 принадлежат хуацяо³.

Таким образом, на протяжении 21-го века правительство Индонезии стремилось создать благоприятную обстановку для развития интеграции китайцев в индонезийское общество. В свою очередь в массовом сознании граждан Индонезии остаются некоторые исторические факты, препятствующие китайской интеграции в данной стране. Но очевидно, что, несмотря на имеющиеся противоречия, хуацяо играют большую роль в формировании экономики Индонезии, что в свою очередь способствует не только укреплению двусторонних отношений стран, но и развитию товарооборота между государствами.

В Таиланде степень ассимиляции китайцев была больше, чем в других странах Юго-Восточной Азии. Важно отметить, что в современном Таиланде большинство китайцев активно используют тайские имена и говорят на тайском языке. Именно по этой причине этнические китайцы в Таиланде делятся на 2 группы: китайцы «лук цын», которые говорят на тайском и китайцы, говорящие на своем родном языке.

Кроме того, стоит упомянуть, что хуацяо активно распространяют китайскую медицину на территории Таиланда. В 2000 году правительство Таиланда официально признало правовой статус китайской медицины, в результате чего ВУЗы Таиланда начали готовить специалистов по китайской

¹ Экономическое влияние хуацяо в Юго-Восточной Азии: перспективы для Китая [Электронный ресурс] // Синология.Ру. – Режим доступа:

² Bank Central Asia [Электронный ресурс] // Forbes. – Режим доступа: <https://www.forbes.com/companies/bank-central-asia/#4415c2f96f9e>

³ Роль китайских иммигрантов в Индонезии [Электронный ресурс] // Информационное агентство REX. – Режим доступа: <http://www.iarex.ru/articles/52458.html>

медицине, помимо двух больниц китайской медицины были открыты отделения китайской медицины в более 200 больниц¹.

Кроме того, китайское меньшинство в Таиланде является основным инвестором национальной экономики страны и владеет примерно 60 % частного капитала. Примером могут послужить такие крупные китайские холдинги как Chia Tai в Таиланде², где в среднем товарооборот доходит до 8 миллиардов долларов и Century Golden Resources Group на Филиппинах со средним товарооборотом в 15 миллиардов долларов³.

Но, важно отметить, что в Таиланде ситуация коренным образом изменилась после финансового кризиса 1997 года, в результате которого 12 банков, принадлежащих хуацяо, были вынуждены передать права собственности тайцам или закрыться⁴.

Таким образом, рассматривая институциональную структуру китайской диаспоры в Таиланде, стоит подчеркнуть, что помимо функционирования хуацяо в данной стране как бизнес-диаспоры, они активно продвигают свои культурные ценности, что способствует формированию внешнеполитического имиджа Китая в регионе Юго-Восточной Азии.

Рассматривая ассимиляцию китайских диаспор на Филиппинах, стоит отметить, что первоначально (в середине 20 века) этнические китайцы были вынуждены заимствовать филиппинскую культуру, их имена и традиции, чтобы укрепить свое положение в сфере бизнеса. Все же этнических китайцев до распространенности межэтнических браков было мало, однако

¹ 泰国的中国新移民与华人文教 [Электронный ресурс] // 东南亚纵横. – Режим доступа: http://www.ims.sdu.edu.cn/__local/F/21/D0/AD472A075BC8B897300E38BB075_DC42E7D4_5693.pdf

² Chia Tai [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chiataigroup.com/en/news-pressrelease-detail/45/Chia-Tai-Seeds>

³ Company Overview of Century Golden Resources Group [Электронный ресурс] // Bloomberg. – Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/research/stocks/private/snapshot.asp?privcapId=88526700>

⁴ 泰国的中国新移民与华人文教 [Электронный ресурс] // 东南亚纵横. – Режим доступа: http://www.ims.sdu.edu.cn/__local/F/21/D0/AD472A075BC8B897300E38BB075_DC42E7D4_5693.pdf

позже филиппинцев с китайскими корнями стало насчитываться приблизительно до четырех миллионов человек¹. В экономике Филиппин хуацяо являются доминирующей силой во многих промышленных отраслях. Кроме того, из списка самых богатых людей Филиппин более половины являются этническими китайцами. Кроме того, на Филиппинах доля банков этнических китайцев в объеме капитала всех филиппинских банков составляет примерно 30%².

Во внутриполитической жизни Филиппин хуацяо начали активно участвовать после выборов в 1986 году, когда кандидат в президенты Корасон Акино публично заявила о том, что она имеет китайское происхождение³. На данный момент участие филиппинских китайцев в политике страны стало еще более активным. О чем свидетельствует тот факт, что среди филиппинского правительства насчитывается 15 этнических китайцев⁴.

Следовательно, хуацяо на Филиппинах помимо прочего активно участвуют в политической жизни страны-проживания, что естественно сказывается на степени ассимиляции китайского населения в стране.

Рассматривая аспекты влияния хуацяо на политику Малайзии, стоит отметить два основных направления, первым из которых является прямое влияние, осуществляющееся именно через политических лидеров. В данном контексте важно отметить тот факт, что большое значение в процессе расширения политического влияния играют ассоциации зарубежных китайцев в Малайзии. Например, Конфедерация китайских ассоциаций в штате Саравак, Общество китайской прессы, Китайская торгово-промышленная палата в Куала-Лумпур и др.

¹ 菲律宾华人政治地位的变化 [Электронный ресурс] // 当代亚太. – Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/41345346.pdf>

² 战后菲律宾华人经济的发展与变迁 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/41454202.pdf>

³ Там же.

⁴ 菲律宾华人政治地位的变化 [Электронный ресурс] // 当代亚太. – Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/41345346.pdf>

Несмотря на активность китайской диаспоры на территории Малайзии, правительство данной страны не стремится к формированию единой национальной идентичности. Попытка создания политического курса «Bangsa Malaysia» в 1990-х годах не смогла способствовать реализации данной цели, о чем свидетельствует тот факт, что в Малайзии до сих пор китайцев называют «пендатанг», что в переводе с малайского означает «иммигрант»¹.

Вторым направлением влияния хуацяо на внутреннюю политику Малайзии является косвенное влияние, которое реализуется через внутриполитические структуры страны. Например, Китайская ассоциация Малайзии, функционирующая в составе Национального фронта, имеет большое значение во внутриполитической жизни страны.

Помимо прочего зарубежные китайцы активно влияют на экономическое положение Малайзии. Стоит отметить, что в Малайзии около 80% малых и средних предприятий принадлежат именно хуацяо². Так как малые и средние предприятия формируют основу национальной экономики государства, то можно сделать вывод, что хуацяо фактически занимают положение близкое к монопольному.

Важно отметить, что во время выступления премьер-министра Малайзии Махатхир Мохаммада на Всемирном китайском экономическом форуме в Куала-Лумпуре 9 ноября 2018 года им было сказано, что он приветствует глобальных инвесторов, особенно китайских³. Поскольку 30 % населения Малайзии составляют люди китайского происхождения⁴, вклад

¹ 马来西亚华人正在庆祝中国的崛起 – 但是作为多元文化的马来西亚人，而不是中国人 [Электронный ресурс] // 马来西亚. – Режим доступа:

² 华人与外来华裔在马来西亚的经济活 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://umexpert.um.edu.my/file/publication/00014507_164607_76613.pdf

³ При необходимости Малайзия выберет Китай, а не США – премьер Мохаммад [Электронный ресурс] // Информационное агентство REGNUM. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2588100.html>

⁴ Золотухин И.Н. Малайзия в зеркале этноконфессиональной ситуации: история и современность [Электронный ресурс] // Cyberleninka. – Режим доступа:

китайской диаспоры высоко ценится. Кроме того, премьер-министр Малайзии отметил, что деятельность хуацяо в данной стране не ограничивается бизнесом, но и распространяется на многие другие сферы. Именно поэтому, изучив рассматриваемые аспекты Всемирного китайского экономического форума, можем с уверенностью сказать, что глобальная китайская диаспора способствует укреплению отношений Китая и Юго-Восточной Азии¹.

Таким образом, вышеприведенный анализ деятельности китайской диаспоры на территории Малайзии, свидетельствует о том, что китайское население участвует как в политической, так и в экономической жизни страны-проживания наравне с коренным населением Малайзии.

Рассматривая подробнее роль хуацяо в Сингапуре, важно отметить, что этнические китайцы составляют более 75% населения государства². Ввиду преобладания этнически китайского населения, в Сингапуре происходит не просто участие китайского населения в политической жизни страны, а создание ими собственной политической системы. Например, у власти сейчас находится Партия народного действия во главе с правителем Ли Куан Ю.

В то же время в Сингапуре живут представители многих других этносов, что привело к формированию в стране курса слияния всех этнических групп в одну нацию, опираясь при этом на декларируемые со стороны Запада ценности. При этом нынешний государственный курс Сингапура больше представляет собой политику мультикультурализма, что проявляется в активной поддержке со стороны государства этнических ассоциаций и культурных центров. В данном контексте, стоит упомянуть факт развития китайских студенческих ассоциаций в Сингапуре. Например,

<https://cyberleninka.ru/article/n/malayziya-v-zerkale-etnokonfessionalnoy-situatsii-istoriya-i-sovremennost>

¹ Diaspora responds to changing world [Электронный ресурс] // CHINADAILY. – Режим доступа: <https://www.chinadailyhk.com/articles/175/195/197/1542617948682.html>

² Сингапур и Китай – противоречивые отношения [Электронный ресурс] // РСМД. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/singapur-i-kitay-protivorechivye-otnosheniya/>

Huaxin Club - первое зарегистрированное общество в Сингапуре для студентов китайских колледжей и университетов. На момент создания студенческая ассоциация поддерживала формат форума, который представлял собой консультации и форумы для помощи в учебе и развитии карьеры, однако с 2005 года ассоциацию официально зарегистрировали как некоммерческое объединение¹.

Также примером является тот факт, что в 2001 году господин Ван Цюаньчэн основал Сингапурскую Ассоциацию Хуаюань, которая представляет собой китайскую ассоциацию иммигрантов нового поколения и стремится содействовать взаимной поддержке и обмену между членами ассоциации в различных областях². Кроме того, в 2015 году лидерами Новой Зеландии и Китая был открыт Сингапурский китайский культурный центр³.

Следовательно, можно отметить, что посредством увеличения миграции китайского населения в Сингапур и открытия различных культурных центров и ассоциаций, происходит активное продвижение мягкой силы Китая в Сингапуре, что в дальнейшем, безусловно, будет сказываться как на политической, так и на экономической ситуации в стране.

Рассматривая фактор хуацяо в Камбодже, стоит отметить, что представители китайских диаспор являются вторым по численности этносом, проживающим на территории данного государства. Важно упомянуть, что в 1979 году китайская община в Камбодже полностью распалась, однако с 1980-х годов ввиду развития Китаем политики открытости китайская диаспора была восстановлена. И уже в 1990 году правительство Камбоджи учредило неполитическую организацию «Ассоциация зарубежных китайцев Камбоджи», главной целью которой является развитие китайской культуры в

¹ Сингапур и Китай - противоречивые отношения [Электронный ресурс] // РСМД. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/singapur-i-kitay-protivorechivye-otnosheniya/>

² “祖国”的召唤？新加坡警惕中国向华人施加影响力 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cn.nytimes.com/asia-pacific/20180806/singapore-china/>

³ Там же.

Камбодже¹. Именно данная ассоциация способствовала открытию китайских школ, например школа «Дуаньхуа», а также возобновлению традиционного празднования китайских культурных мероприятий, например, именно тогда в Камбодже зарубежные китайцы смогли вновь проводить фестивали на китайский новый год. На данный момент в Пномпене существует более 20 китайских ассоциаций, например, Камбоджийский Совет, Клуб львов и Ассоциация кланов². Следовательно, хуацяо в данной стране выступают как «бизнес-диаспора», активно участвуя в политической жизни страны-происхождения.

Таким образом, несмотря на довольно длительный период репрессий в отношении китайского населения в Камбодже, китайская диаспора смогла быстро восстановиться как за счет возвращения многих зарубежных китайцев в страну проживания, так и за счет увеличения потока новых китайских иммигрантов в Камбоджу и вместе с тем оказать значительное влияние на развитие политических, экономических и общественных процессов в Камбодже.

Остановившись на вопросе институциональной структуры китайских диаспор в Мьянме, важно отметить некоторые факторы, способствующие ускорению процесса ассимиляции мьянманских китайцев. Первоначально, стоит упомянуть, что население Мьянмы никогда не стремилось к развитию сферы бизнеса. Как правило, бизнес в Мьянме развивается представителями китайской диаспоры, а если и есть случаи совместного ведения бизнеса, то отношения между представителями различных этнических групп отличаются высоким уровнем честности и доверия. Кроме того, зарубежные китайцы в Мьянме никогда не стремились к участию в политических делах ввиду того, что китайское население в данной стране не находится на равном положении с коренным населением Мьянмы. Зарубежные китайцы в Мьянме

¹ Москалев П.Э. Роль «зарубежных китайцев» в истории Камбоджи в XX – начале XXI в. [Электронный ресурс] // Elibrary. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30716426>

² 柬埔寨的华侨华人 (侨史) [Электронный ресурс] // 人民网. – Режим доступа: <http://www.people.com.cn/GB/paper39/8858/826655.html>

ограничены по многим аспектам социальной сферы, а также не имеют правовой защиты¹. Соответственно, в Мьянме китайцы не имеют активного индивидуального участия в политике, а также не обладают своими политическими партиями и группами. Что свидетельствует о том, что китайцы в данной стране только находятся на стадии развития диалога с местным населением.

Также китайцы в Мьянме склонны правильно оценивать происходящие изменения конъюнктуры. Например, во время национализации со стороны военного правительства Мьянмы, большинство китайцев в отличие от других этнических групп Мьянмы, не уехали из страны и смогли воспользоваться сложившейся неустойчивой теневой экономикой.

Следовательно, ввиду выработанной стратегии хуацяо на территории Мьянмы, которая заключается в умеренной интеграции в местную экономику страны, а также в дистанцированной политике по отношению к внутривнутриполитической жизни Мьянмы, степень ассимиляции китайского населения в стране заметно увеличивается, что приводит не только к укреплению стратегического партнерства Китая и Мьянмы, но и усилению позиций Бирмы в регионе Юго-Восточной Азии.

Рассматривая степень влияния китайской диаспоры на политику и экономику Лаоса, стоит отметить, что активно восстановление влияния зарубежных китайцев началось в 1990-е годы, когда их капитал стал направляться на возрождение как импортной, так и экспортной торговли.

Кроме того, в конце двадцатого века этнические китайцы, уехавшие из Лаоса, стали инвестировать средства в проекты на территории Лаоса². Например, лаосская компания «Lao Airlines» первоначально была полностью государственной, однако позже компания стала получать крупные

¹ 缅甸华人华侨在保护中国在缅投资利益中的作用 [Электронный ресурс] // 侨胞网. – Режим доступа: <http://www.webaobo.com/index.php?m=article&f=view&id=828>

² Lao Airlines [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.atlasnavigator.com/airlines/lao-airlines.html>

инвестиции от китайской авиакомпании «China Yunnan Airlines»¹. Очевидно, что происходит партнерство в государственно-частном формате, что способствует интеграции китайского населения в местное общество, и большей ассимиляции этнических китайцев. Результатом чего является тот факт, что этнические китайцы в Лаосе носят лаосские имена и говорят на лаосском языке.

Но все же есть маленький процент этнически китайского населения, которое стремится сохранить свою национальную и культурную идентичность. Например, вице-президент китайской торговой палаты в Лаосе Яо Бинь несмотря на то, что он проживает в стране уже длительный период, полностью идентифицирует себя с китайской нацией².

Таким образом, очевидно, происходит улучшение межгосударственных отношений Китая и Лаоса, что в свою очередь приводит к увеличению численности хуацяо в Лаосе, равно как и наблюдается интенсификация сотрудничества между Лаосом и частными инвесторами в лице зарубежных китайцев, которая приводит к воссозданию общественных институтов и развитию коммерческих предприятий в Лаосе.

Следовательно, приведенная статистика позволяет оценить влияние зарубежных китайцев в финансовой отрасли стран Юго-Восточной Азии как доминирующее, так как деятельность банков хуацяо во многих странах региона распространяется не только на страну пребывания, но и на ряд стран Азии и Запада.

В целом в первой половине 21 века суммарное состояние представителей китайских диаспор в регионе оценивалось в 4 трлн. долл. США³. Одной из ключевых характеристик китайской диаспоры является ее

¹ Lao Airlines [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.atlasnavigator.com/airlines/lao-airlines.html>

² Overseas Chinese resident in Laos eyes new role as «overseas bridge» // Xinhua. Ed. by Wang Fan. [Электронный ресурс] // Ecns.cn. – Режим доступа: <http://www.ecns.cn/2017/05-17/257881.shtml>

³ Китайская бизнес-диаспора в Юго-Восточной Азии [Электронный ресурс] // Cyberleninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-biznes-diaspora-v-yugo-vostochnoy-azii>

расширяющаяся структура, которая в дальнейшем образует глобальные транснациональные сети.

Кроме того, несмотря на существующее мнение о том, что деятельность китайских диаспор в основном ограничивается экономической сферой, вышеприведенный анализ институциональной структуры китайских диаспор в странах Юго-Восточной Азии подтверждает тот факт, что все же зарубежные китайцы могут активно влиять и на политическую сферу, как минимум, лоббируя интересы государства. На сегодняшний день хуацяо, почти не имея прямого доступа к управлению в сфере внешней политики, используются государствами в качестве инструментов реализации внешнеполитических целей, тем самым сохраняя косвенные рычаги влияния. Безусловно, через экономические каналы лоббирования своих интересов китайские диаспоры в странах Юго-Восточной Азии могут участвовать в политике. Например, зачастую компании этнических китайцев создают прочную связь между бизнесом и политикой.

Зарубежные китайцы стремятся участвовать в государственных и политических делах стран региона. На данный момент наблюдается дискурсивная политическая власть представителей китайских диаспор, которая заключается в их праве выражать свою волю в стране проживания.

Стоит отметить, что страны Юго-Восточной Азии начали отменять ограничения на политические права зарубежных китайцев. На данный момент иностранные китайцы активно участвуют в политической жизни страны проживания, совершенствуют свой политический дискурс, а также стремятся найти политические средства для защиты своих экономических интересов.

Представителей этнического населения Китая, участвующих в политической жизни стран региона, можно разделить на две группы. Во-первых, население с китайским происхождением участвуют в политике, но как граждане страны, не отмечая при этом этнические особенности своей диаспоры. Например, президент Филиппин Коразон Акино и премьер-

министр Таиланда Йинглук. Второй формой участия зарубежных китайцев в политике стран ЮВА является формирование китайских политических партий, особенно в Сингапуре, Малайзии и Индонезии. Но стоит отметить, что из всего региона Юго-Восточной Азии Сингапур является единственной страной, где китайцы доминируют в процессе принятия внешнеполитических решений. Первые три министра Сингапура, а именно Ли Куан Ю, У Цзоодун и Ли Сяньлун являются этническими китайцами.

Таким образом, наибольшее влияние китайской диаспоры можно наблюдать в Сингапуре и Малайзии. В этих странах этнические китайцы участвуют не только в различных социальных и культурных аспектах страны, но также образуют влиятельные китайские политические партии. Например, история формирования Малайской ассоциации китайцев начинается с создания в 1949 году Малазийской китайской ассоциации¹. А в Сингапуре китайцы составляют около 75% от населения², что, безусловно, отражается на внутренней политике и экономике страны. Кроме того, в Сингапуре существует риск утраты национальной идентичности ввиду активного влияния КНР на данное государство.

Китайские диаспоры в Таиланде и на Филиппинах также имеют политическое и экономическое влияние, однако в этих странах зарубежные китайцы являются влиятельными как местные граждане, но не выступают в качестве единой китайской диаспоры. Например, большинство тайских китайцев признают ценности культуры тайского народа, говорят на тайском языке и участвуют в праздновании их национальных праздников. Тот же процесс можно наблюдать и с представителями китайских диаспор в Филиппинах, где зарубежные китайцы интегрированы в филиппинское общество.

¹ 东南亚华人的政治经济地位 [Электронный ресурс] // 新加坡文献馆. – Режим доступа: <https://www.sginsight.com/xjp/index.php?id=4144>

² 论东南亚的华族 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sea.cssn.cn/webpic/web/sea/upload/2012/02/d20120216150227927.pdf>

Следовательно, в некоторых странах Юго-Восточной Азии заметна тенденция стирания национальных и культурных особенностей страны-происхождения. Но все же на данный момент китайские диаспоры представляют собой весомый внешнеполитический инструмент Китая, что отражается в сформированных институциональных особенностях хуацяо.

2.2. Место и роль китайских диаспор во внешней политике Китая в Юго-Восточной Азии на современном этапе

Первоначально стоит отметить, что, начиная с двадцать первого века, конкуренция между странами на мировой арене стала больше проявляться в форме соперничества за формирование мощной национальной силы.

Зарубежные китайцы обладают уникальным потенциалом для формирования внешнеполитического имиджа страны-происхождения и расширения влияния стратегии «мягкой» силы КНР. Стоит отметить, что китайская диаспора проявляет наиболее активное влияние в регионе Юго-Восточной Азии. Данный регион является стратегически важным для Китая с геополитической точки зрения, а распространение влияния хуацяо в регионе будет способствовать укреплению и подъему не только экономики КНР, но и уровня «мягкой» силы страны.

Важно упомянуть, что во время холодной войны отношения Китая и стран Юго-Восточной Азии не развивались ввиду идеологического конфликта Востока и Запада, а также по причине внутренней нестабильности региона и существующих территориальных споров. После окончания холодной войны началось сотрудничество между странами, которое было направлено на содействие взаимному развитию.

На данный момент на долю зарубежных китайцев в Юго-Восточной Азии приходится около 6% от общего населения стран региона, что

составляет 73,5% от общего числа китайцев в мире¹. Очевидно, что наибольшее количество зарубежных китайцев приходится именно на этот регион. Кроме того, стоит выделить основные характеристики присущие зарубежным китайцам в регионе Юго-Восточной Азии.

Во-первых, наблюдается активный рост экономической силы китайцев в регионе. Согласно статистике Forbes Rich List китайские бизнесмены являются не только самыми богатыми в Юго-Восточной Азии, но и вносят большой вклад в ВВП страны-проживания, а также в ВВП страны-происхождения².

Также с момента нормализации отношений между странами, их взаимодействие в сфере торговли становится все более активным. Большое значение имеет создание «зоны свободной торговли Китай-АСЕАН», которая, безусловно, открыла новые возможности для экономического развития китайской «бизнес-диаспоры». Помимо прочего, важно упомянуть факт создания в 2003 году китайской торговой палаты АСЕАН³, которая способствует активному развитию западного Китая, а также тесному сотрудничеству между КНР и странами Юго-Восточной Азии. Китайская торговая палата АСЕАН привлекает зарубежных китайцев к участию в развитии китайского бизнеса в данном регионе. Итак, на сегодняшний день в странах Юго-Восточной Азии насчитывается более 3000 китайских предприятий и более 5000 китайских бизнесменов⁴. Также интересным фактом является то, что в течении последних 15 лет Китайская торговая палата АСЕАН играла сетевую роль в деятельности зарубежных китайцев и способствовала появлению ряда важных для китайцев предприятий за рубежом, а именно Китайской торговой палаты в Таиланде, Сингапурской

¹ Ульянова И.В. Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии [Электронный ресурс] // Cyberleninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-diaspora-v-yugo-vostochnoy-azii-1>

² Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии [Электронный ресурс] // Cyberleninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-diaspora-v-yugo-vostochnoy-azii>

³ 东盟华商会搭建云南与华商共赢平台 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://m.xinhuanet.com/yn/2018-06/08/c_137239306.htm

⁴ Там же.

китайской торговой палаты, Индонезийской китайской торговой палаты, Филиппинской китайской деловой ассоциации, малазийской торгово-промышленной палаты, Всеанглийской китайской ассоциации и др.

Кроме того, в Юго-Восточной Азии часто проводятся китайские форумы, направленные на экономическое взаимодействие КНР со странами региона. Например, Всемирная китайская деловая конференция и Всемирный китайский медиа-форум, в рамках которых Китай не только формирует свой внешнеполитический имидж, но также способствует укреплению своих экономических позиций. Следовательно, именно в данном регионе собирается наибольшее количество китайских бизнесменов со всего мира.

Важно упомянуть, что сотрудничество между китайскими бизнесменами началось с 1991 года, когда Сингапурская торгово-промышленная палата организовала первую Всемирную конференцию китайских предпринимателей¹. Данная конференция проводится каждые два года и организуется китайским бизнес-сообществом соответствующих стран. Необходимо отметить, что на каждой конференции в обязательном порядке выступают политики и экономисты Китая со своими речами. Тем самым, Всемирная конференция китайских предпринимателей не только способствует взаимодействию бизнесменов страны, но и используется правительством Китая как неправительственная организация и глобальная сеть деловых кругов Китая для продвижения дипломатического курса страны.

Во-вторых, китайская диаспора играет большую роль в формировании стратегического партнерства КНР со странами Юго-Восточной Азии. Например, анализируя фактор хуацяо в Камбодже, первоначально, важно упомянуть, что во внешнеполитической стратегии КНР именно Камбоджа среди государств Юго-Восточной Азии занимает особое место ввиду наличия некоторых особенностей. Во-первых, Камбоджа выступает сторонником воссоединения Тайбэя и Пекина, а также Камбоджа разорвала

¹ 赵乐际：海外华侨要助中国发展 [Электронный ресурс] // 早报. – Режим доступа: <https://www.zaobao.com.sg/znews/greater-china/story20180831-887199>

дипломатические связи с Тайванем. Во-вторых, Китай рассматривает Камбоджу в качестве противовеса растущего влияния Вьетнама.

Следовательно, китайская община в Камбодже является одной из наиболее влиятельных, так как используется Китаем для реализации своих внешнеполитических целей.

Кроме того, стоит упомянуть факт участия зарубежных китайцев в управлении государственными делами стран Юго-Восточной Азии. Помимо формирования китайских политических партий в основном в таких странах, как Сингапур, Малайзия и Индонезия, зарубежные китайцы стремятся выражать свою политическую волю, активно формируя политический дискурс страны-проживания.

Остановившись подробнее на вопросе роли хуацяо во внешней политике Китая в Индонезии, стоит отметить, что именно индонезийские зарубежные китайцы являются незаменимым аспектом в двусторонних отношениях стран, особенно в процессе развития экономических и торговых отношений между государствами. Например, Индонезийско-китайская торговая палата и Деловой совет Индонезии и Китая, созданные китайской общиной на территории Индонезии в начале 21 века, активно содействуют развитию торговли между странами.

Таким образом, значительная роль хуацяо в развитии торговых и экономических отношений Китая и Индонезии может способствовать осуществлению политической деятельности. Стоит упомянуть, что Индонезия является членом АСЕАН, поэтому правительство Китая во внешнеполитической стратегии ориентируется на сближение с таким влиятельным игроком в регионе, как Индонезия. Следовательно, не стоит исключать перспективы политического вовлечения китайской диаспоры, которая имеет возможность активно продвигать свои интересы в стране проживания.

Кроме того, стоит отметить, что согласно опросу, проведенному Исследовательским Центром Пью в США с 2005 по 2015 год, около 70 %

опрошенных индонезийцев положительно относятся к представителям китайской диаспоры, равно как и к политике Китая в целом¹. Несмотря на этот факт между странами, безусловно, существуют спорные вопросы, которые в первую очередь связаны с политическими интересами обеих сторон. Например, вопрос строительства Морского шелкового пути 21-го века не воспринимается политической элитой Индонезии ввиду того, что Индонезия не рассматривает нововведения в политике по причине отсутствия мозговых центров для изучения, возникающих вопросов в сфере международных отношений.

Следовательно, странам необходимо тесно сотрудничать на межгосударственном уровне, при этом обмениваясь опытом национальных меньшинств. Очевидно, что политика бывшего президента Индонезии Сухарто по отношению к китайским диаспорам, суть которой заключалась в продвижении «теории угрозы Китая» и проблем, которые китайцы приносят в Индонезию с помощью систематической дискриминационной политики, оказалась по меньшей мере провальной². На данный момент Китай активно использует диаспоры во внешней политике в Индонезии, а именно открывает большое количество институтов Конфуция для распространения культурных ценностей Китая. Следовательно, политика Китая направлена на понимание населением Индонезии культурных аспектов Китая, чтобы в дальнейшем активно взаимодействовать по средством обмена опытом представителями обеих стран.

В данном контексте, стоит отметить, что большое значение имеют китайские диаспоры во внешней политике Китая в Малайзии. Малайзия, являясь стратегическим центром АСЕАН, играет ключевую роль в проекте «Один пояс и один путь». С момента создания данной инициативы китайские инвестиции в Малайзию существенно возросли, а именно в 2015 году общий

¹ 印尼智库评“一带一路” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/globe/2017-04/05/c_136184256.htm

² Роль китайских иммигрантов в Индонезии [Электронный ресурс] // Информационное агентство REX. – Режим доступа: <http://www.iarex.ru/articles/52458.html>

объем инвестиций Китая в Малайзию в четыре раза превышал объем инвестиций 2014 года¹.

Таким образом, по причине того, что в странах, расположенных вдоль маршрута «Один пояс и один путь» находится большое количество зарубежных китайцев, правительство КНР с целью влияния на внешнюю политику стран АСЕАН уделяет большое внимание созданию аналитических центров, что в дальнейшем посредством обмена мнениями и аналитикой представителей нескольких стран приведет к выработке конструктивных предложений и перспектив.

Рассматривая фактор хуацяо во внешней политике КНР в Сингапуре, стоит отметить, что ученые и дипломаты Сингапура выражают опасения по поводу того, что островное государство может стать привлекательной целью для КНР. Но посол Китая в Сингапуре Хун Сяююн высказал свою позицию, согласно которой Китай придерживается принципа мирного сосуществования и активно защищает международную справедливость. В последние годы Китай усилил межнациональные обмены между двумя странами, организовал посещение деревень, в которых проживают предки сингапурцев, а также координировал программы обучения для молодых специалистов Сингапура. Сингапурские студенты в свою очередь проводят ряд мероприятий, а именно курсы китайской каллиграфии и истории, а, например, в 2014 году они обучали пению «Красной песни» Коммунистической партии².

Помимо прочего в Сингапуре большим спросом пользуются китайские СМИ. Например, знаменитая китайская газета «Lianhe Zaobao» (联合早报),

¹ 马来西亚欢迎中企赴马投资 [Электронный ресурс] // 新华网. – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/world/2018-11/27/c_1123776074.htm

² “祖国”的召唤？新加坡警惕中国向华人施加影响力 [Электронный ресурс] // 新国志. – Режим доступа: <https://xinguoazhi.wordpress.com/2018/08/07/祖国的召唤？新加坡警惕中国向华人施加影响/>

«United Evening News» (联合晚报), «Синьмин Ежедневно» (新明日报), «Пятница: Ежедневная утренняя почта» (星期五周报)¹.

Следовательно, Китай, активно используя СМИ, стремится усилить свои позиции за рубежом, повысить свой внешнеполитический имидж, а также стремится противодействовать антикитайской пропаганде. Таким образом, посредством СМИ обеспечивается политическое влияние в виде скрытого внушения, тем самым формируя политические стереотипы в сознании местного населения стран региона.

Безусловно, это все результаты политики Китая, в рамках которой диаспора рассматривается как эффективный инструмент воздействия на внешнюю политику другого государства. Данные мероприятия обычно организуются и финансируются правительственными учреждениями КНР, главным из которых является Управление по делам зарубежных стран. Кроме того, Китай в 2018 году объявил, что управление по работе с зарубежными китайцами будет включено в сферу деятельности Объединенного фронтового департамента, что является признаком того, что Китай большое внимание уделяет зарубежным китайцам и стремится использовать их во внешней политике в регионе Юго-Восточной Азии.

Таким образом, очевидно, Сингапур, несмотря на существующие опасения, заинтересован в тесном сотрудничестве с Китаем, равно как и в присутствии китайского населения на своей территории. Например, Сингапур открыл 11-этажный Сингапурский китайский культурный центр, основными задачами которого являются увеличение возможностей для населения Сингапура по изучению китайского языка, а также гуманитарное сопровождение экономической деятельности. Следовательно, Сингапур

¹ 新加坡的华文报业 [Электронный ресурс] // 人民网 . – Режим доступа: <http://www.people.com.cn/GB/14677/22100/37595/37596/2781117.html>

признает не только культурные ценности, но и экономический потенциал Китая¹.

Помимо прочего КНР активно использует свою зарубежную диаспору во внешней политике и сотрудничестве с Лаосом, а именно с расширением и углублением стратегического сотрудничества Китая и Лаоса число представителей китайской диаспоры из материкового Китая значительно увеличивается.

В 2015 году была создана Лаосская китайская торговая палата как первая национальная ассоциация зарубежных китайцев в Лаосе². Лаосская китайская торговая палата позиционирует себя как частная бизнес-группа, состоящая из заморских китайцев, которые поселились и живут в Лаосе, а также управляют бизнесом. С непрерывным развитием торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Лаосом число членов Торговой палаты неуклонно растет. Кроме того, стоит отметить, что в 2015 году Генеральная торговая палата Лаоса создала несколько филиалов.

Помимо прочего КНР, используя китайские диаспоры, активно продвигает свои культурные и образовательные ценности на территории Лаоса. Например, в настоящее время основными учебными заведениями лаосского китайского образования являются китайские школы, входящие в состав Совета Китая, а также китайские школы, финансируемые китайскими компаниями, и Институт Конфуция в Национальном университете Лаоса.

Кроме того, китайские диаспоры способствуют развитию отраслевой промышленности между странами. Например, согласно статистике по состоянию на сентябрь 2014 года в Лаосе было реализовано 755 инвестиционных проектов в 14 секторах, включая гидроэнергетику, сельское хозяйство, промышленность, ремесленные изделия и услуги, на общую сумму около 6,5 млрд долларов США. Согласно статистическим данным

¹ 新加坡的华文报业 [Электронный ресурс] // 人民网. – Режим доступа: <http://www.people.com.cn/GB/14677/22100/37595/37596/2781117.html>

² 老挝成立首个全国性华侨社团 [Электронный ресурс] // 新华网. – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/world/2015-07/30/c_1116093517.htm

Министерства торговли Китая, за первые три квартала 2014 года прямые нефинансовые инвестиции Китая в Лаосе составили 718 млн¹.

Следовательно, за более чем сто лет зарубежные китайцы в Лаосе всегда объединялись и усердно трудились, чтобы создать собственный мир с духом терпения и терпения, свойственным китайцам. Они уважают местные обычаи и обычаи и интегрируют традиционную этику и обычаи китайской нации с культурными обычаями лаосских народов и живут в гармонии друг с другом. Своим трудолюбием и изобретательностью они работают гибко и вносят большой вклад в местную экономику и процветание рынка. Зарубежные китайцы имеют хорошие отношения с местным сообществом, завоевали хорошее доверие и похвалу со стороны правительства и общества и установили хорошие отношения с местным сообществом.

Следовательно, развитие китайской зарубежной диаспоры в Лаосе является прямым отражением отношений двусторонних отношений Китая и Лаоса.

Также стоит упомянуть роль китайской диаспоры как инструмента внешней политики КНР в процессе строительства «Морского шелкового пути 21 века». Именно регион Юго-Восточной Азии представляет наибольший интерес для развития проекта «Морской шелковый путь 21 века» ввиду того, что два маршрута проходят через Южно-Китайское море. В октябре 2013 года, после посещения Си Цзиньпином АСЕАН, им была предложена крупная инициатива по строительству проекта, являющаяся часть проекта «Один пояс и один путь»². Строительство данной инициативы является большим исследованием и практикой для построения сообщества, которое будет выступать как в роли площадки для развития международного сотрудничества, так и для сотрудничества китайцев внутри страны и за

¹ 老挝华侨华人与“一带一路”建设 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sohu.com/a/255573864_227923

² Председатель пути. Что инициатива «Один пояс-один путь» означает лично для Си Цзиньпина и его власти [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/70025>

рубежом. В странах-участницах проекта «Один пояс и один путь» работают и живут более 40 миллионов китайцев¹. Безусловно, имея экономический потенциал, личные связи, опыт в бизнес сфере, богатые культурные и интеллектуальные ресурсы, представители китайской диаспоры смогут успешно реализовать проект, тем самым способствовать экономическому и политическому развитию КНР как ведущей мировой державы.

Также стоит упомянуть о совместной инициативе китайской диаспоры в Юго-Восточной Азии и китайского центра деловых исследований Университета Цинхуа в Китае, которая заключается в выпуске книг про историю китайского зарубежья в странах, где проходит «Один пояс и один путь»². Следовательно, КНР способствует распространению информации о китайской диаспоре и, очевидно, говорит о важной роли хуацяо в процессе развития данной инициативы.

Таким образом, безусловно, роль китайских диаспор во внешней политике Китая в Юго-Восточной Азии в разных странах региона отличается, но очевидна тенденция политического влияния хуацяо в странах-проживания, которая в свою очередь будет способствовать распространению китайского экономического влияния на регион Юго-Восточной Азии.

В-третьих, все более распространенным становится культурное влияние зарубежных китайцев в странах Юго-Восточной Азии. Для поддержки китайской диаспоры Китай использует три ключевых компонента в своей политике, а именно китайские ассоциации, китайские СМИ и китайское образование, которые не только поддерживают китайцев за рубежом, но и способствуют расширению культурного влияния Китая.

¹ 朱奕龙：“一带一路”建设为海外华人华侨事业发展搭建广阔舞台 [Электронный ресурс] // 中国一带一路网。 – Режим доступа: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/ghsl/gnzjgd/40709.htm>

² 国内外专家：“一带一路”连接海外华侨华人 [Электронный ресурс] // 中国社会科学报。 – Режим доступа: <http://news.ntu.edu.sg/rc-NCPA/Documents/2015%20中国社会科学报%2009032015-国内外专家%20一带一路连接海外华侨华人.pdf>

Подробнее рассматривая каждый отдельный инструмент, стоит отметить, что зарубежная китайская ассоциация способствует проведению клановых китайских мероприятий, равно как и установлению национальных культурных обменов и самое главное усилению влияния традиционной культуры КНР в целом. Например, традиционный праздник китайской весны стал официальным праздником в Сингапуре, Малайзии и на Филиппинах.

Анализируя образовательный аспект Китая, необходимо упомянуть, что с момента создания первой зарубежной школы в Индонезии в 1690 году Юго-Восточная Азия сформировала полную китайскую систему образования с различными китайскими школами, включая частные, общественные и религиозные организации¹.

Юго-Восточная Азия является родиной зарубежных китайских СМИ, а также важным зарубежным китайским медиа центром. Китайскоязычные СМИ в Юго-Восточной Азии богаты контентом, охватывая текущие дела и политические новости в стране и за рубежом, включая китайскую культурную и социальную жизнь. Кроме того, китайские СМИ также активно озвучивали зарубежных китайцев в стране проживания. Особенно в период выборов китайские СМИ использовали свои средства коммуникации, чтобы влиять на намерения избирателей китайского народа, в результате чего политические кандидаты боялись игнорировать зарубежную китайскую общину в стране проживания.

Вместе с тем, ввиду широкого использования интернет ресурсов, стоит обратить внимания на электронные источники информации, которые широко используются у представителей китайских диаспор как в Сингапуре, так и других странах. На данный момент самым известным приложением для общения и проверки новостей является WeChat, который используют более 100 миллионов зарубежных китайцев. Интересным фактом является то, что политические новости в данном приложении практически не публикуются,

¹ Сергеева А.А. Диаспора – двигатель китайского «экономического чуда» поиски эффективного использования диаспоры // Азия и Африка сегодня. – 2011. – №8. – С. 23-29.

кроме того, новости для зарубежных китайцев отличаются от новостей для населения КНР. Данный момент объясняется тем, что китайское правительство придает большое значение формированию имиджа своей страны за рубежом. Следовательно, правительство КНР серьезно контролирует информацию, которую получают зарубежные китайцы. Например, в сентябре 2017 года канадский конгрессмен Дженни Кван выступила с заявлением о зонтичном движении в Гонконге, похвалив молодых людей в Гонконге за «борьбу в целях улучшения положения общества», однако данное заявление в рамках данного приложения было недоступно¹.

Помимо прочего, зарубежные китайцы в странах Юго-Восточной Азии активно продвигают национальную культуру страны-происхождения, а именно занимаются не только строительством кинотеатров и радиостанций, но и распространением культурных достижений китайского кинематографа. Например, китайская радиотелевизионная станция «Гуанси» совместно с Камбоджийским национальным телевидением и Лаосским национальным телевидением открыли рубрику «Китайский театр»². А «ABS-CBN» - частный медиаконгломерат на Филиппинах, выступило с инициативой развития взаимовыгодного сотрудничества с китайскими телекомпаниями³.

Таким образом, очевидно, Китай в Юго-Восточной Азии большое внимание уделяют развитию диаспоральной политики, которая способствует распространению влияния инструментария «мягкой силы» Китая в регионе. На сегодняшний день политика Китая в отношении своих диаспор состоит в том, чтобы использовать их для привлечения талантов и для расширения «мягкой силы» Китая в мире. Кроме того, китайская диаспора в регионе обладает мощной экономической силой и имеет материальную основу для

¹ 华侨、华人、中国民族主义 [Электронный ресурс] // 新加坡文献馆. – Режим доступа: <https://www.sginsight.com/xjp/index.php?id=211>

² 多部中国影视剧在东南亚播出 “追剧”中感受中国律动 [Электронный ресурс] // 人民日报. – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/politics/2019-01/21/c_1124017124.htm

³ Там же.

участия в политике. Следовательно, зарубежные китайцы в этом регионе будут стремиться к достижению успеха и в политической сфере. Следовательно, на сегодняшний день политика КНР в отношении диаспор за рубежом по-прежнему опирается на стремление государством при помощи диаспор привлекать талантливых и умных специалистов, а также развивать стратегию «мягкой» силы.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что до сих пор многие страны АСЕАН неоднозначны в отношении Китая и этнических вопросов, соответственно на данный момент КНР в своей внешнеполитической стратегии использует инструмент зарубежной диаспоры довольно осторожно. Связь между большинством зарубежных китайцев и Китаем в основном ограничивается экономическими интересами. В свою очередь многие страны Юго-Восточной Азии, такие как Вьетнам, Филиппины, Таиланд, Индонезия и Малайзия стремятся получать больше пользы от китайской диаспоры и сотрудничества с Китаем, чем получает Китай от деятельности хуацяо за рубежом.

2.3. Перспективы использования китайских диаспор в рамках внешнеполитической стратегии Китая в Юго-Восточной Азии

Как уже было выявлено выше в рамках данного исследования, что традиционно Юго-Восточная Азия рассматривается как зона влияния КНР и необходима Китаю для формирования устойчивого экономического роста. Безусловно, для достижения данных целей в политике КНР особое место занимает именно китайская диаспора в регионе. Но эволюция хуацяо в Юго-Восточной Азии происходила в довольно сложных условиях, что было продиктовано межэтническими конфликтами, в основе которых лежал экономический фактор.

На данный момент китайская диаспора получает новые возможности развития и рассматривается в мировой политике как важный ресурс

национального строительства государства-происхождения. Необходимо упомянуть, что со времен возникновения Китайской Народной Республики руководство страны рассматривало зарубежных китайцев как инструмент укрепления внешнеполитических позиций Китая. Очевидно, что с усилением Китая на мировой арене фактор китайских диаспор как инструмента реализации внешней политики КНР будет значительно возрастать.

Во-первых, опираясь на вышеприведенный анализ, стоит отметить перспективы участия хуацяо в реализации строительства «Морского шелкового пути 21 века» и в проекте «Один пояс-один путь» в целом, который безусловно является важным рычагом оптимизации китайской экономики. Необходимо упомянуть, что на данный момент в продвижении проекта «Один пояс-один путь» участвуют 65 зарубежных китайских предприятий из региона Юго-Восточной Азии. Помимо экономической деятельности зарубежные китайцы участвуют в развитии финансовых фондов, научных, образовательных и культурных центров, что является подтверждением всестороннего сотрудничества хуацяо и КНР в процессе развития Морского шелкового пути 21 века.

Таким образом, в ближайшие 5-10 лет китайские диаспоры, используя поддержку со стороны Китая и авторитет в бизнес-сфере стран Юго-Восточной Азии, смогут создать мощный плацдарм для лоббирования китайских проектов и инициатив в целях развития экономического сотрудничества между странами в регионе. Помимо прочего, такие ключевые ресурсы, как развитие бизнес-сети китайских диаспор в Европе и США, а также накопленный капитал китайской диаспоры в регионе Юго-Восточной Азии будут способствовать успешному развитию «Морского шелкового пути 21 века».

Во-вторых, Китай в перспективе усилит свое присутствие в регионе ввиду того, что Юго-Восточная Азия является стратегически важной точкой для Китая, а также обладает большим количеством ресурсов, что несомненно положительно отразится на развитии китайской экономики. Тем не менее,

как уже было отмечено выше, только после холодной войны Китай начал действительно становиться важным и незаменимым игроком в регионе. Вместе с тем, по сравнению с Соединенными Штатами и Японией, присутствие и влияние Китая в регионе все еще относительно слабо. В решении данного вопроса значительный вклад вносят китайские диаспоры. Активно участвуя в экономической сфере стран Юго-Восточной Азии, а в некоторых странах региона и в политической жизни, хуацяо будут способствовать развитию стратегического партнерства и сотрудничества между КНР и странами Юго-Восточной Азии. Вместе с тем, рассматривая перспективы становления КНР в качестве лидера в регионе, важно отметить, что многие соседние страны, особенно Юго-Восточная Азия, выражают опасения. С точки зрения безопасности страны Юго-Восточной Азии обеспокоены тем, что растущая военная мощь Китая будет использоваться для урегулирования территориальных споров и в конечном итоге станет катализатором на пути усиления китайского влияния.

Таким образом, для того, чтобы Китай продолжал расширять влияние в регионе, стоит больше сконцентрироваться на наращивании потенциала «мягкой силы» в Юго-Восточной Азии. Стоит отметить, что на данный момент Китай, стремясь повысить привлекательность своего внешнеполитического имиджа, акцентирует внимание именно на продвижении своих культурных и языковых особенностей. Например, в странах Юго-Восточной Азии функционирует 56 курсов китайского языка и 21 Институт Конфуция, однако, в данном контексте стоит отметить то обстоятельство, что большой процент населения предпочитает зарубежное образование¹. Следовательно, полностью опираться на систему китайского образования в целях повышения привлекательности КНР в регионе не стоит. Вместе с тем, китайскую диаспору также не стоит рассматривать как основополагающий инструмент «мягкой силы» ввиду того, что не во всех

¹ Мосяков Д.В. «Мягкая сила» в политике Китая в Юго-Восточной Азии [Электронный ресурс] // Cyberleninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-v-politike-kitaya-v-yugo-vostochnoy-azii>

странах Юго-Восточной Азии ее деятельность будет приносить значительный результат для Китая. Хуацяо являются мощным рычагом влияния КНР в тех странах Юго-Восточной Азии, где они обладают прочными позициями в руководстве стран-проживания, однако в тех государствах региона, где сильны антикитайские настроения, например, в Малайзии, укрепление диаспоры может вызвать неоднозначную реакцию со стороны правительства и местного населения.

Таким образом, Китаю следует развивать потенциал «мягкой силы» в регионе Юго-Восточной Азии, при этом используя весь инструментарий, так как, только взаимодействие разных инструментов «мягкой силы» будет способствовать укреплению позиций Китая в Юго-Восточной Азии.

Немаловажным перспективным направлением политики КНР является развитие национальной экономики посредством привлечения зарубежных китайских бизнесменов, которые обладают значительным капиталом и навыками ведения торговой деятельности, для развития бизнеса в материковом Китае. На данный момент китайские компании в странах Юго-Восточной Азии, особенно малые и средние, имеют ограниченный доступ к китайскому рынку, а, следовательно, со стороны Китая было бы целесообразно предоставлять прямые каналы финансирования, например, выпуск корпоративных облигаций. Также необходимо использовать в полной мере влияние китайских бизнесменов и бизнес-диаспор в странах Юго-Восточной Азии на местном уровне и в процессе развития проекта «Один пояс и один путь». Для достижения успеха в данном направлении КНР необходимо оказывать всестороннюю поддержку представителям зарубежных бизнес-диаспор.

Таким образом, во-первых, руководство Китая, используя хуацяо, стремится расширить свое влияние, а также расширить привлекательность КНР и его культуры. Во-вторых, КПК надеется ослабить политических противников и продвигать свою стратегию развития, единую для всех китайцев. В-третьих, партия надеется убедить зарубежных китайцев во всем

мире вносить непосредственный вклад в развитие страны путем предоставления ресурсов, навыков и знаний.

У Китая есть ряд среднесрочных и долгосрочных планов развития как политической, так и экономической сфер страны. Но, стоит отметить, что в планах КНР упоминается термин «хай гуй», что с китайского языка переводится как «китайцы, вернувшиеся на родину». В документе Китая «Средне- и долгосрочный план развития и привлечения талантов на 2010-2020 годы» есть раздел, рассматривающий вопрос хай гуй¹. Следовательно, КНР стремится привлекать талантливых китайцев обратно в страну происхождения для развития технологий, инноваций и предпринимательства. Значение, которое лидеры Китая придают связям с диаспорой, предполагает, что эта деятельность только возрастет в ближайшие годы.

Также важно отметить, что на данный момент активизировалась конкуренция Китая и Тайваня в Юго-Восточной Азии. Тайвань, остров, населенный этническими китайцами, долгое время ощущал стремительные усилия КНР по доминированию в средствах массовой информации, вмешательству в политические кампании и усилению влияния своих лидеров, что усугубило политическую поляризацию и социальную напряженность. Не вызывает сомнения тот факт, что в будущем именно регион Юго-Восточной Азии будет выступать в качестве плацдарма для дальнейшей экспансии политики продвижения китайской диаспоры на юг.

Следовательно, Тайвань будет претендовать на роль центра притяжения для хуацяо не меньше, чем КНР. Ввиду этого в перспективе соперничество между Китаем и Тайванем развернется не только за экономическую составляющую, но и за влияние в диаспоре.

Действительно, китайские официальные лица заявили о своем намерении проводить больше диаспоральной политики, чтобы заслужить лояльность и доброжелательность диаспор - отчасти путем тщательного

¹ National Outline for Medium and Long-term Talents Development Plan (2010–2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cfd.seu.edu.cn/jsjx_en/14/21/c7765a70689/page.htm

изучения развития отношений к диаспорам со стороны иностранных правительств. Например, на протяжении последних несколько лет дипломатические чиновники КНР в Малайзии регулярно посещали этнические группы.

Следовательно, усилия КНР по подавлению критических мнений китайских СМИ в отношении диаспоры, проникновению и манипулированию политиками и поощрению формирования прокитайских политических фракций не только наносят ущерб суверенитету других стран, но также могут усиливать в регионе негативное восприятие КНР, что в дальнейшем безусловно отразится на сотрудничестве Китая и стран региона.

Таким образом, будущее китайской диаспоры и ее роль во внешней политике Китая в Юго-Восточной Азии будет зависеть от того, как КНР сможет решить вопрос с усилением влияния хуацяо в регионе. В случае успешного развития диаспоральной политики Китай именно посредством своей зарубежной диаспоры сможет активно продвигать свои национальные интересы и культурные ценности, тем самым укрепляя государственную мощь в условиях сложившейся мировой системы. Кроме того, китайская диаспора будет способствовать росту национальной экономики Китая и формированию положительного образа страны в регионе.

Вместе с тем, в случае ослабления контроля со стороны КНР за своей зарубежной диаспорой и в условиях неправильно выработанной стратегии развития диаспоральной политики китайские диаспоры могут привести к формированию не только национальных и религиозных противоречий, но и к противостоянию между китайской и местной элитами, что в будущем может способствовать подрыву внутривосточной стабильности в регионе и, следовательно, отрицательно скажется на сотрудничестве Китая со странами Юго-Восточной Азии.

Следовательно, на данный момент хуацяо в регионе обладают мощным экономическим потенциалом и имеют материальную основу для участия в политических процессах стран-проживания. В свою очередь, КНР,

безусловно, получает значительные выгоды от деятельности хуацяо в странах Юго-Восточной Азии, однако Китаю стоит выработать дальнейшую стратегию развития диаспоральной политики. При правильном и успешном развитии сотрудничества КНР со своей зарубежной диаспорой потенциал «мягкой силы» Китая значительно увеличится.

Таким образом, на данный момент в регионе Юго-Восточной Азии находится 75% зарубежных китайцев, которые, представляя собой бизнес-диаспору, активно способствуют развитию национальной экономики Китая. Вместе с тем, ввиду наличия в некоторых странах региона антикитайских настроений, влияние хуацяо на политическую сферу в странах проживания невелико. Кроме того, Китай активно развивает диаспоральную политику в регионе в целях распространения своего влияния на страны Юго-Восточной Азии. Также, диаспора, являясь инструментом «мягкой» силы, активно способствует формированию внешнеполитического имиджа Китая не только в регионе, но и за его пределами. Следовательно, дальнейшее использование диаспор во внешнеполитической стратегии КНР будет напрямую зависеть от развития диаспоральной политики и способности Китая усилить позиции хуацяо в регионе, при этом, не допустив возникновения и усиления антикитайских настроений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К основным результатам исследования можно отнести следующие положения. Государства в целях осуществления внешней политики и своих национальных интересов используют разные инструменты, которые все, безусловно, связаны с понятием «сила». Вместе с тем в современных международных отношениях актуализируется понятие «умная сила», подразумевающая под собой баланс «жесткой», «мягкой» и «экономической» сил. В рамках проведенного исследования было доказано, что диаспора является важнейшим инструментом реализации внешней политики современных государств, несмотря на тот факт, что диаспора является относительно малоизученным феноменом в мировой политике.

Китай в своей внешнеполитической стратегии придает большое значение взаимодействию со своей зарубежной диаспорой. С началом политики реформ и открытости и по сегодняшний день во внешнеполитической стратегии Китая большое внимание уделяется формированию и развитию диаспоральной политики страны, так как хуацяо воспринимаются правительством КНР как принципиально важный инструмент реализации внешней политики. На данный момент китайская диаспора является крупнейшей в мире и данный факт объясняется тем, что во внешней политике Китая значительную роль играет именно этнокультурный фактор. Безусловно, диаспоры являются главными проводниками китайского влияния на глобальном уровне, кроме того, они остаются закрытыми для местного населения какого-либо государства и являются частью «Большого Китая».

Наибольшее количество зарубежных китайцев находится в Юго-Восточной Азии. Помимо экономических рычагов влияния хуацяо участвуют в государственных структурах стран проживания, а также формируют положительный внешнеполитический имидж КНР, что в свою очередь

способствует развитию и распространению китайской «мягкой силы» не только в рамках региона Юго-Восточной Азии, но и на глобальном уровне.

Учитывая активную деятельность хуацяо в регионе, Китай будет развивать данное направление политики. Помимо прочего, действуя в русле полного государственного контроля за своим диаспорами Китай будет и дальше придерживаться принципа распространения культурного влияния и поддержки соотечественников и их собственности за рубежом, однако в данном контексте, важно отметить, что будущее китайской диаспоры и ее роль во внешней политике Китая в Юго-Восточной Азии будет зависеть от того, как КНР сможет решить вопрос с усилением влияния хуацяо в регионе.

Кроме того, на данный момент конкурентом Китая в борьбе за влияние в китайской диаспоре выступает Тайвань, так как именно Тайвань непрерывно поддерживает связи с хуацяо. Следовательно, данный вопрос может обострить отношения Пекина и Тайбэя, что также необходимо учитывать Китаю при выработке стратегии развития диаспоральной политики.

Подводя итог проведенного исследования, стоит отметить, что на современном этапе развития международных отношений роль диаспоры как инструмента внешней политики государств значительно возрастает. В результате чего многие государства, особенно великие державы, стали уделять достаточно серьезное внимание формированию диаспоральной политики, от эффективности которой зависит дальнейшее развитие потенциала стран на международной арене. Кроме того, Китай является очевидным примером активного использования диаспоры как инструмента внешней политики, так как именно через зарубежную диаспору КНР способствует распространению культурных ценностей, лоббированию национальных интересов страны, развитию экономики и формированию положительного внешнеполитического имиджа за рубежом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литература на русском языке:

1. Анохина Е.С. Система организации работы по взаимодействию с зарубежными китайцами в КНР // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 362. – С. 65-68.
2. Афонасьева А.В. Экономическая деятельность зарубежных китайцев и реэмигрантов в КНР в ходе реформ (1979–2010 гг.): автореф. дисс. ... канд. экон. наук. – М., 2012. – С.4.
3. Афонасьева А.В. Зарубежные китайцы в ЮВА и их роль в развитии Морского шелкового пути XXI века [Электронный ресурс] // Elibrary. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30608157>
4. Боришполец К.П. Национальное измерение «глобального мира» // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. – 2001. – № 1. – С. 3-14.
5. В Грузии начались учения НАТО Noble Partner 2018 [Электронный ресурс] // RT. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/ussr/news/541540-voennye-ucheniya-gruziya>
6. В 2017 году Китай поставил исторический рекорд по объему привлечения прямых иностранных инвестиций [Электронный ресурс] // Китай и Россия. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0124/c31518-9419303.html>
7. Гукасов А.В. «Мягкая сила» во внешней политике современных государств // Университетские чтения. – Пятигорск: ПГЛУ, 2015. – С. 13-17.
8. Гукасов А.В., Косов Г.В., Парастатов С.В. Внешняя политика современных государств: геостратегический аспект [Электронный ресурс] // Elibrary.ru. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29858454>

9. Гуляр Д.Д. Мягкая сила Индии [Электронный ресурс] // Cyberleninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-indii>
10. Заернюк В. М. Оценка эффективности введения санкций: мировой опыт [Электронный ресурс] // Финансовая аналитика: проблемы и решения. - Режим доступа: [otsenka-effektivnosti-vvedeniya-sanktsiy-mirovoyo-opyt.pdf](https://www.finanalitika.ru/otzenka-effektivnosti-vvedeniya-sanktsiy-mirovoyo-opyt.pdf)
11. Иностранные инвестиции в российский бизнес упали рекордно с 1990-х [Электронный ресурс] // РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/12/10/2018/5bc0a88e9a794756f91868da>
12. История введения санкций против Ирана [Электронный ресурс] // ИноСМИ. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/asia/20150302/226574256.html>
13. История переговоров Ирана и «шестерки» международных посредников. Досье [Электронный ресурс] // ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/1563027>
14. Иран возвращается на глобальные рынки: обзор наиболее значимых отраслей экономики [Электронный ресурс] // ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/3333962>
15. Конституция КНР [Электронный ресурс] // Конституция КНР. – Режим доступа: www.wbconsult.ru/files/docs/Constituion_KNR.doc
16. Костырев А. Г. «Разумная сила», общественная дипломатия и социальные сети как факторы международной политики // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 2. – С. 143-149.
17. Ларин А.Г. Мировая китайская диаспора и новая миграционная концепция России // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2013. – №18. – С. 392.
18. Ли Хайфэн: новые возможности в работе с хуацяо, открывшиеся после 17 съезда КПК [Электронный ресурс] // China Review News. – Режим доступа:

<http://cn.chinareviewnews.com/doc/1004/6/7/4/100467404.html?coluid=7&kindid=0&docid=100467404&mdate=1012122901>

19. Миргород Д.А. Влияние глобализации на государство // Правовая политика и правовая жизнь. – 2010. – №1. – С. 124-128.

20. Мировые военные расходы остаются на высоком уровне: 1,7 триллиона долларов [Электронный ресурс] // Stockholm International Peace Research Institute. – Режим доступа: https://www.sipri.org/sites/default/files/2018-05/milex_press_release_rus.pdf

21. Мишин В.Е. Новые измерения безопасности в глобализирующемся мире // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2004. – № 4. – С. 140.

22. Москалев П.Э. Роль «зарубежных китайцев» в истории Камбоджи в XX - начале XXI в. [Электронный ресурс] // Elibrary. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30716426>

23. «Мутная вода» киберпространства [Электронный ресурс] // РСМД. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mutnaya-voda-kiberprostranstva/>

24. На благо далекой Родины. В чьих интересах действуют национальные диаспоры [Электронный ресурс] // Мир. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2014/08/06/diaspora/>

25. Об Институте Конфуция [Электронный ресурс] // Портал УрФУ. – Режим доступа: <https://ci.urfu.ru/ru/about/>

26. Оганисян А.Ю. Роль хуацяо в политической и экономической жизни стран Юго-Восточной Азии // Регион и мир. – 2017. – № 1. – С. 96-100.

27. Особенности института публичной дипломатии в России [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1315>

28. Панин В.Н., Косов Г.В. Мировой порядок в XXI веке: теории и практики построения // Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации. – 2016. – С. 28-35.

29. Парастатов С.В. Экономическая составляющая геостратегии современных государств // Вестник ПГЛУ. – 2012. – №2. – С. 364-366.
30. Петрова О. Л. Положение китайского меньшинства в Индонезии в свете индонезийско-китайских отношений [Электронный ресурс] // Cyberleninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/polozhenie-kitayskogo-menshinstva-v-indonezii-v-svete-indoneziysko-kitayskih-otnosheniy>
31. Проект «ВТБ – России» [Электронный ресурс] // ВТБ. – Режим доступа: <https://vtbrussia.ru/about/>
32. Рекордное количество иностранных студентов обучается в американских ВУЗах [Электронный ресурс] // ИНОСМИ.РУ. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/world/20131113/214727459.html>
33. РСБ-Групп [Электронный ресурс] // РСБ-Групп. – Режим доступа: <https://rsb-group.ru>
34. Роль китайских иммигрантов в Индонезии [Электронный ресурс] // Информационное агентство REX. – Режим доступа: <http://www.iarex.ru/articles/52458.html>
35. Савтырева А.А., Ефимов Ю.Г., Линец С.И. Модернизационные процессы в современном Китае: политический аспект // Вестник ПГЛУ. – 2015. – №4. – С. 322-324.
36. Савтырева А.А., Исаков Н.В., Волочаева О.Ф., Волова Л.А. Стратегические направления национальной безопасности современного Китая // Вестник ПГЛУ. – 2013. – №4. – С. 341-343.
37. Сергеева А. А. Поиски эффективного использования диаспоры // Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 8. – С. 32-35.
38. Сергеева А.А. Диаспора - двигатель китайского «экономического чуда» поиски эффективного использования диаспоры // Азия и Африка сегодня. – 2011. – №8. – С. 23-29.
39. Сингапур и Китай - противоречивые отношения [Электронный ресурс] // РСМД. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/singapur-i-kitay-protivorechivye-otnosheniya/>

40. Соловьева Е.А. Роль экономической дипломатии в китайской парадигме влияния на международные отношения // Университетские чтения – 2017. – 2017. – С. 234-239.

41. Сучков М.А. Влияние лобби-групп на формирование внешней политики США на Южном Кавказе [Электронный ресурс] // Международные отношения. – Режим доступа: <https://docplayer.ru/32024389-Mezhdunarodnye-otnosheniya.html>

42. Сучков М.А. Концепции «силы» и «влияния» во внешней политике США // Университетские чтения – 2010: Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Часть XIV. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2010. – С. 73-78.

43. Точеная А. О. Китайская диаспора в США // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – №10. – С. 103-116.

44. Ульянова И.В. Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии [Электронный ресурс] // Cyberleninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-diaspora-v-yugo-vostochnoy-azii-1>

45. Экономическое влияние хуацяо в Юго-Восточной Азии: перспективы для Китая [Электронный ресурс] // Синология.Ру. – Режим доступа: http://www.synologia.ru/a/Экономическое_влияние_хуацяо_в_Юго-Восточной_Азии:_перспективы_для_Китая

Литература на английском языке:

46. ASEAN-China Free Trade Area. Paper for presentation at the AEP Conference // Singapore Institute of International Affairs. – 2004. – P.18.

47. Боташева А.К., Миллер И.С., Румачик И.А. The theory of chaos in political analysis: the third paradigm in the age of globalization // Advances in Intelligent Systems and Computing. – 2019. – Т. 726. – С. 585-592.

48. Bank Central Asia [Электронный ресурс] // Forbes. – Режим доступа: <https://www.forbes.com/companies/bank-central-asia/#4415c2f96f9e>

49. Can diaspora diplomacy support India's foreign policy goals? [Электронный ресурс] // Observer Research Foundation. – Режим доступа: <https://www.orfonline.org/expert-speak/can-diaspora-diplomacy-support-indias-foreign-policy-goals/>
50. Chia Tai [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chiataigroup.com/en/news-pressrelease-detail/45/Chia-Tai-Seeds>
51. Company Overview of Century Golden Resources Group [Электронный ресурс] // Bloomberg. – Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/research/stocks/private/snapshot.asp?privcapId=88526700>
52. Diaspora responds to changing world [Электронный ресурс] // CHINADAILY. – Режим доступа: <https://www.chinadailyhk.com/articles/175/195/197/1542617948682.html>
53. Hobbes T. Of Man, Being the First Part of Leviathan [Электронный ресурс] // The Harvard Classics. – Режим доступа: <http://www.bartleby.com/34/5/>
54. Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. - Washington: Peterson Institute for International Economics, 2009. – 248 p.
55. India's Diaspora Policy: A new era of inclusion [Электронный ресурс] // The Indian Economist. – Режим доступа: <https://m.dailyhunt.in/news/india/english/the+indian+economist-e-paper-indecono/india+s+diaspora+policy+a+new+era+of+inclusion-newsid-73885531>
56. Kissinger H. American Foreign Policy. - N.Y.: Norton, 1977. – 437 p.
57. Lao Airlines [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.atlascnavigator.com/airlines/lao-airlines.html>
58. Morgenthau H. Politics among Nations. – N.Y.: McGraw-Hill Education, 2005. – 752 p.
59. Military Professional Resources [Электронный ресурс] // National Stock Education. – Режим доступа: <http://www.mpri.com>

60. Museum Hakka Indonesia (印尼客家博物館) [Электронный ресурс]
// 印尼客家博物館. – Режим доступа: <http://www.museumhakkaindonesia.com/>
61. National Outline for Medium and Long-term Talents Development Plan (2010–2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cfd.seu.edu.cn/jsjx_en/14/21/c7765a70689/page.htm
62. Niehterlein D. United States National Interest in Changing World. – N.Y.: Lexington, 1973. – 124 p.
63. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – N.Y.: Public Affairs, 2003. – 191 p.
64. Nye J.S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – N.Y.: Basic Books, 1990. – 210 p.
65. Overseas Chinese resident in Laos eyes new role as «overseas bridge» // Xinhua. Ed. by Wang Fan. [Электронный ресурс] // Ecns.cn. – Режим доступа: <http://www.ecns.cn/2017/05-17/257881.shtml>
66. Sandline International [Электронный ресурс] // Sandline home page. – Режим доступа: <http://www.sandline.com/site/>
67. Smart power initiative [Электронный ресурс] // CSIS. – Режим доступа: <https://www.csis.org/programs/former-programs/smart-power-initiative>
68. The SIPRI Military Expenditure Database [Электронный ресурс] // Stockholm International Peace Research Institute. – Режим доступа: <http://milexdata.sipri.org>

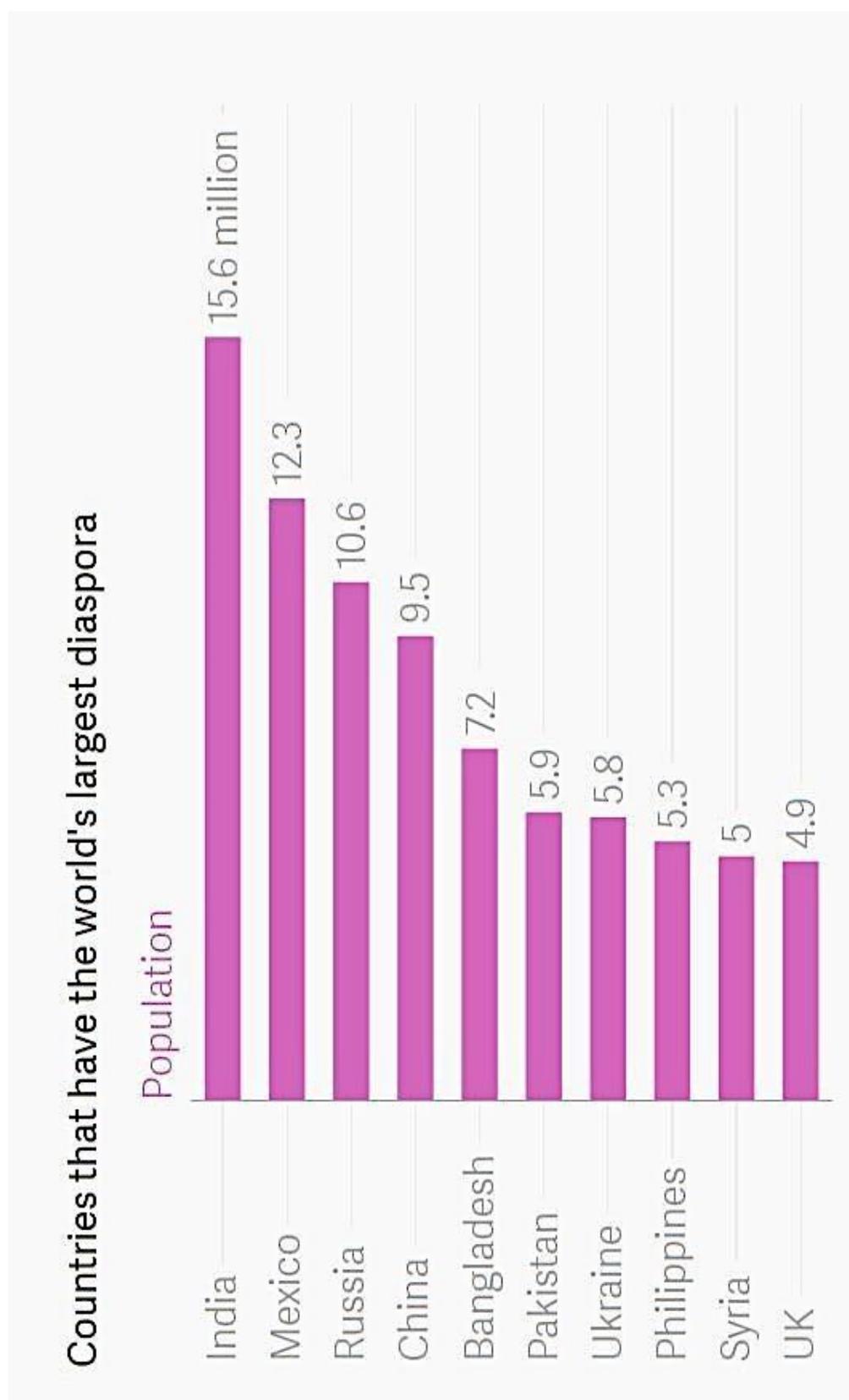
Литература на китайском языке:

69. 华侨华人提法的由来 [Электронный ресурс] // 人民政协报. –
Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-03/08/c_127555770.htm
70. 世界华商发展报告 [Электронный ресурс] // CCG. – Режим
доступа: <http://www.ccg.org.cn/Research/View.aspx?Id=6515>
71. 中华人民共和国宪法 [Электронный ресурс] // 全国人民代表大会.
– Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/06/content_4421.htm
72. 泰国的中国新移民与华人文教 [Электронный ресурс] // 东南亚纵
横 . – Режим доступа:
http://www.ims.sdu.edu.cn/__local/F/21/D0/AD472A075BC8B897300E38BB075_DC42E7D4_5693.pdf
73. 菲律宾华人政治地位的变化 [Электронный ресурс] // 当代亚太. –
Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/41345346.pdf>
74. 战后菲律宾华人经济的发展与变迁 [Электронный ресурс]. –
Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/41454202.pdf>
75. 华人与外来华商在马来西亚的经济活 [Электронный ресурс]. –
Режим доступа:
https://umexpert.um.edu.my/file/publication/00014507_164607_76613.pdf
76. “祖国”的召唤？新加坡警惕中国向华人施加影响力 [Электронный
ресурс]. – Режим доступа: <https://cn.nytimes.com/asia-pacific/20180806/singapore-china/>
77. 柬埔寨的华侨华人（侨史） [Электронный ресурс] // 人民网. –
Режим доступа: <http://www.people.com.cn/GB/paper39/8858/826655.html>

78. 缅甸华人华侨在保护中国在缅投资利益中的作用 [Электронный ресурс] // 侨胞网 . - Режим доступа: <http://www.webaobo.com/index.php?m=article&f=view&id=828>
79. 东南亚华人的政治经济地位 [Электронный ресурс] // 新加坡文献馆. – Режим доступа: <https://www.sginsight.com/xjp/index.php?id=4144>
80. 论东南亚的华族 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sea.cssn.cn/webpic/web/sea/upload/2012/02/d20120216150227927.pdf>
81. 东盟华商会搭建云南与华商共赢平台 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://m.xinhuanet.com/yn/2018-06/08/c_137239306.htm
82. 印尼智库评“一带一路” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/globe/2017-04/05/c_136184256.htm
83. 新加坡的华文报业 [Электронный ресурс] // 人民网. - Режим доступа: <http://www.people.com.cn/GB/14677/22100/37595/37596/2781117.html>
84. 老挝成立首个全国性华侨社团 [Электронный ресурс] // 新华网. - Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/world/2015-07/30/c_1116093517.htm
85. 老挝华侨华人与“一带一路”建设 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.sohu.com/a/255573864_227923
86. 朱奕龙：“一带一路”建设为海外华人华侨事业发展搭建广阔舞台 [Электронный ресурс] // 中国一带一路网 . - Режим доступа: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/ghsl/gnzjgd/40709.htm>
87. 华侨、华人、中国民族主义 [Электронный ресурс] // 新加坡文献馆. - Режим доступа: <https://www.sginsight.com/xjp/index.php?id=211>

88. 华侨华人与中国在东南亚的软实力建设 [Электронный ресурс]. -
Режим доступа: http://www.sohu.com/a/134250733_465554
89. 多部中国影视剧在东南亚播出 “追剧”中感受中国律动
[Электронный ресурс] // 人民日报 . - Режим доступа:
http://www.xinhuanet.com/politics/2019-01/21/c_1124017124.htm
90. 国内外专家:“一带一路”连接海外华侨华人 [Электронный ресурс]
// 中国社会科学报 . - Режим доступа: <http://news.ntu.edu.sg/rc-NCPA/Documents/2015%20中国社会科学报%2009032015-国内外专家%20一带一路连接海外华侨华人.pdf>

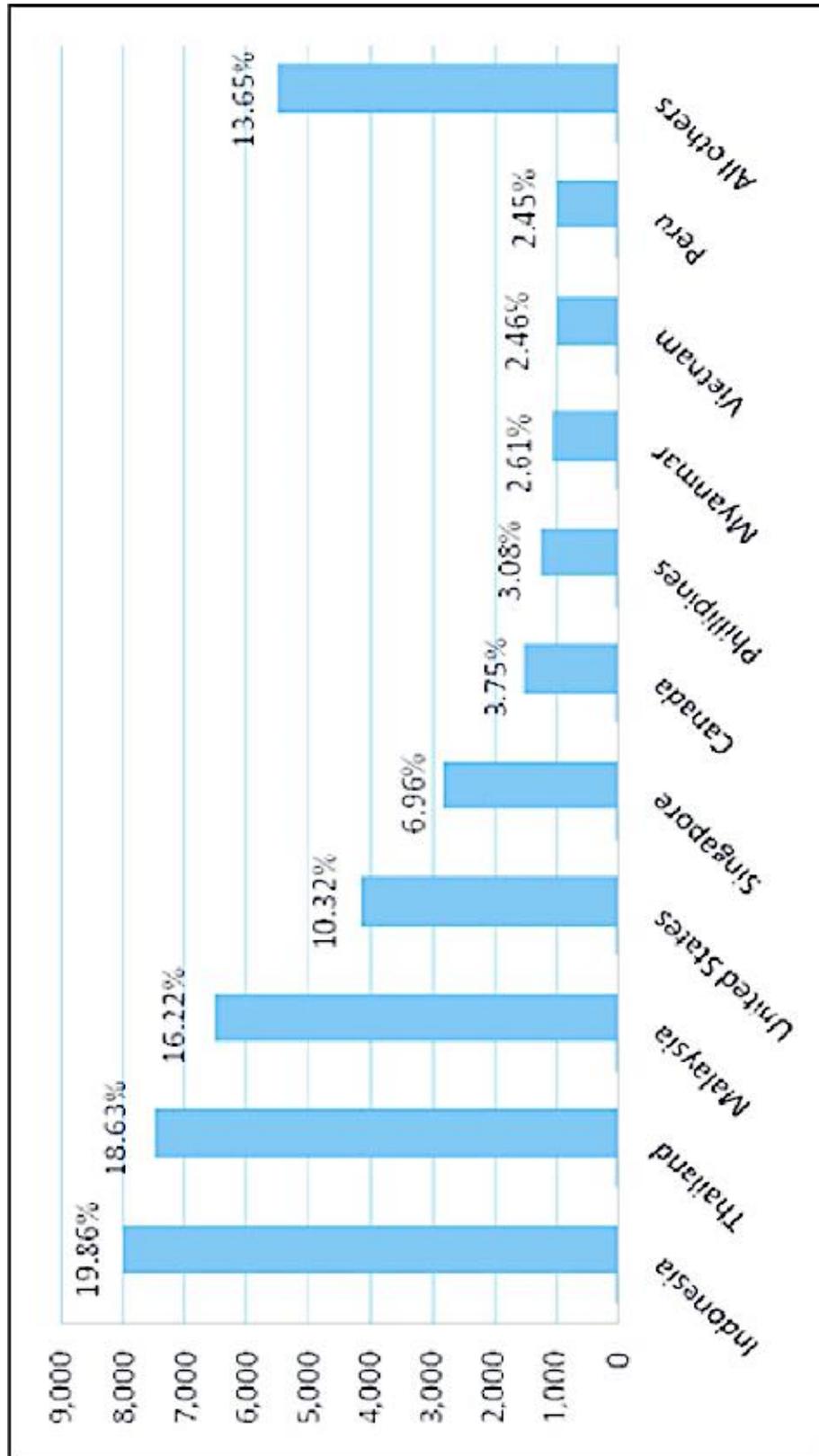
Диаграмма стран, имеющих самые большие диаспоры в мире¹

¹ Which country has the largest diaspora? [Электронный ресурс] // World Economic Forum. - Режим доступа: <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/which-country-has-the-largest-diaspora/>

Страны, в которых находятся наиболее крупные китайские диаспоры¹

¹ Mounting scrutiny of ethnic chinese poses risks to corporates [Электронный ресурс] // Global risk. - Режим доступа: <https://www.a2globalrisk.com/analysis/asia-pacific/scrutiny-for-chinese-risks-to-corporates/>

Десять стран с наибольшим процентом китайского населения¹

¹ Ten countries with the largest overseas Chinese population and percentage of world total of overseas Chinese [Электронный ресурс] // ResearchGate. - Режим доступа: https://www.researchgate.net/figure/Ten-countries-with-the-largest-overseas-Chinese-population-and-percentage-of-world-total_fig1_307898102

Карта миграции китайцев в страны Юго-Восточной Азии¹

¹ Хуацяо. Диаспора номер один в экономике и политике Юго-Восточной Азии [Электронный ресурс] // Военное обозрение. - Режим доступа: <https://topwar.ru/96461-huasyao-diaspora-nomer-odin-v-ekonomike-i-politike-yugo-vostochnoy-azii.html>

**Степень воздействия китайского меньшинства
на экономику стран АСЕАН¹**

Страна	Доля в численности населения, %	Доля в ВВП, %
Таиланд	3	60
Индонезия	4	70
Филиппины	3	70
Малайзия	30	50
Сингапур	75	90

¹ Китайская диаспора - источник выгод и вызовов [Электронный ресурс] // РСМД. - Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitayskaya-diaspora-istochnik-vygod-i-vyzovov/>